

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

ПРОКЛЯТИЕ
ГИАЦИНТОВ

Елена Арсеньева

Проклятие Гиацинтов

«Автор»

2008

Арсеньева Е. А.

Проклятие Гиацинтов / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2008

ISBN 978-5-699-31463-8

В деревне, где выросла Лера Онегина, существует поверье о некоем каменье – кто его найдет, станет блудником. Лера находит красный турмалин, и... поверье сбывается. Онегину из-за ее красоты избегают ровесницы, преследуют женатые и холостяки. А однажды пытаются изнасиловать. Ее спасает мачеха одноклассника Ларисса. Она предлагает девушке выйти замуж за своего пасынка и уехать в Москву. Лера вынуждена согласиться. Знала бы она, что стоит за навязчивым благородством Лариссы и приторной красотой жениха Микки, осталась бы в ненавистой деревне... Писательница Алена Дмитриева волею судьбы сталкивается со всеми этими людьми на выставке картин Жужки – друга Микки и талантливого художника, увлекающегося классическими сюжетами. Увидев его картину, где Аполлон оплакивает убитого им Гиацинта, Алена вынуждена вмешаться в судьбу Леры. Дмитриева знает точно: промедление просто смерти подобно...

ISBN 978-5-699-31463-8

© Арсеньева Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева

Проклятие Гиацинтов

*И, не готовый ни к чему такому,
Я третьим затесался в tête-à-tête.*

Борис Пастернак

Случайности носят иной раз характер роковых. С другой стороны, есть люди, которые пресерьезно уверяют, будто случайностей в принципе не бывает и все, что с нами происходит, предопределено свыше и заранее *там* (где и находится это самое «свыше») запланировано. То есть «кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится». И в каку-бяку ты ногой не вступишь. И расфуфыренный «мерс» («Лексус», «Хонда», «Ауди», «Роллс-Ройс», «копейка», нужное подчеркнуть) тебя не обрызгает с ног до головы, проносясь мимо с недозволенной скоростью, когда ты стоишь на перекрестке, а кругом страшнейший ливень и лужи до колен. И пьяный до безобразия бомжара ни с того ни с сего не произнесет сакраментальное словцо, означающее женщину легкого поведения (на «б» начинается, на «мягкий знак» кончается), проходя мимо тебя, и ты долго будешь гадать, нечаянно он это брякнул, а может, свое восхищение выражал, но самое главное: откуда он знает, что ты – ну, эта... из пяти букв, последняя – мягкий знак...

Нет, нашу героиню не обрызгал расфуфыренный «мерс». И какой-то там бомжара не дал ей соответствующего определения. Ей всего-навсего разбила нос «Газель», причем в самом деле совершенно случайно.

«Газель» – это машинка такая, типа, грузовичишко, производства завода «ГАЗ», поэтому «Газелью» называется, а вовсе не потому, что она легко– и быстроходная, словно горная козочка. Говорят, у нее – у «Газели», а не у газели, конечно, – теперь будет передний привод... может, кто-то знает, что это за штука такая, но писательница Алёна Дмитриева не знала, а впрочем, это не имеет к случившемуся никакого отношения. А имеет отношение нижеследующее.

Алёна Дмитриева шла в свой любимый спортзал в ДК имени Свердлова. Это название, конечно, анахронизм, то есть полный исторический писец, выражаясь более понятно, но куда деваться, знатный земляк, поэтому в городе Нижнем Новгороде – Нижнем Горьком тож – имеет место быть и ДК им. этого самого как бы Свердлова, и скверик, где торчит его бюст, и даже дом его папы на главной улице, где некогда родился сам Свердлов, или кто там имеется в виду под этой партийной кличкой? Впрочем, сей пассаж также не имеет к предмету нашего повествования никакого отношения.

Вернемся же к Алёне.

Итак, она шла в спортзал, вернее, почти бежала, потому что опаздывала... в последнее время хронический цейтнот сделался ее обычным состоянием, и она как раз об этом и думала, когда ей пришлось притормозить, чтобы обойти «Газель», которая стояла крайне нелепо – почти перегородив тротуар. Нет, все понятно – дорога ремонтировалась, «Газель» просто вынуждена была на тротуар влезть, чтобы не мешать проезжавшим мимо авто, но зато она интенсивно мешала теперь пешеходам: им было тесно и неудобно, приходилось соблюдать очередность, мимо машины протискиваясь, к тому же водитель из кабины вышел и сел на столбик декоративной ограды, вытянув ноги и еще больше сузив и без того неширокий кусок тротуара. Может, ему доставляло удовольствие наблюдать, как пешеходы в спешке то перепрыгивают через его дурацкие ноги, то перешагивают нелепо, словно журавли на болоте... Пассажир, оставшийся в кабине и сидевший, выставив локоть в открытое окошко, тоже, похоже, происходящим наслаждался.

Алёна, впрочем, не собиралась нахамить этому позволять. Она вообще обладала очень развитым классовым чувством, которое в таких революционных ситуациях сильно обострялось. Поэтому она посмотрела на весельчака-водику так, что тот почему-то немедленно ноги подтянул. И она прошла мимо совершенно спокойно и даже с чувством собственного достоинства.

Это очень не понравилось человеку, сидевшему в кабине, и он что-то буркнул вслед нашей героине. «Что-то» в данном случае – эвфемизм. Слово состояло из пяти букв, начиналось на «б», заканчивалось на «мягкий знак» и было синонимично понятию «неприличная женщина». В это время Алёна уже миновала грузовичок и находилась как раз позади его кузова. Она возмущенно обернулась, готовая ответить подобающим образом, – и получила сильнейший удар в лицо, на миг ослепнув и онемев от боли.

«Кто?! За что?!» – вспыхнула мысль – и растворилась в одном мучительном сто-о-оне...

На самом деле никто и ни за что. И Алёна поняла это буквально через полминуты, когда смогла разлепить веки, склеенные слезами. Просто тент кузова позади «Газели» порвался. Причем уже давно. Лоскут с тяжелой пряжкой болтался под ветром туда-сюда, а порыв ветра, когда мимо проходила Алёна, оказался особенно силен. Итак, лоскут взлетел – и пряжка въехала в нос нашей героине, которая так не вовремя оглянулась. А почему она оглянулась, спрашивается?! Да потому, что ее оскорбили! Ее же оскорбили – и она же получила по физиономии.

И где после этого справедливость на свете?

– Да чтоб вы сдохли! – выкрикнула она сквозь слезы, имея в виду сама не зная, что или кого. Ее пожелание предназначалось и шоферу, который не заботился о своей машине и держал ее в таком травмоопасном состоянии, и тому, кто незаслуженно облял ее, и самому# рваному тенту, и его привольно мотающемуся лоскуту, и пряжке, и боли, и крови, которой она теперь захлебывалась, и слезам, лившимся неостановимо.

– Да что ж ты, девушка, такая злыдня?! – возмущенно завопил кто-то рядом, и Алёна смогла открыть глаза. Рядом с ней стояла маленькая толстенькая бабуля в белой панамке, которая резко вызвала в Алёниной памяти детский сад, и дачу, и летнюю жару, и ромашковый луг, и солнце, которое слепило глаза, вышибая слезы...

Да нет, это боль слепила глаза! Алёна сердито смахнула слезные капли рукой и торопливо выхватила из сумки пачку одноразовых платочков. Прижала к носу один, второй – и немедленно почувствовала себя лучше, во всяком случае, зрение чуть прояснилось. Она увидела прохожих, которые спешили миновать проклятую «Газель», не обращая на окровавленную Алёну никакого внимания. Для этой высокой женщины в ярко-алой блузке, для полусонной девушки, для парня в бандане и черных очках и еще какого-то угрюмого молодого человека ее словно бы не существовало! Они прошествовали мимо, даже не взглянув на нее, даже не спросив, что случилось. Словно каждый день им встречались посреди дороги знаменитые (ну, пусть даже не знаменитые, что это вообще меняет?!), писательницы-детективщицы (а Алёна была именно писательницей-детективщицей) с окровавленными лицами.

Однако если она ощутила мгновенное страдание от такого вопиющего проявления человеческого равнодушия, то в следующую секунду получила огромную порцию внимания к своей персоне – и даже с переизбытком.

– Убила! Ты его убила! – раздался вопль, и водитель «Газели», только что беззаботно сидевший на столбике ограды, вдруг кинулся к Алёне с кулаками и криком: – Он мертвый!

Писательница наша отпрянула, водитель пролетел мимо – и нелепо распростерся на земле. Почему-то ноги его не держали. «Пьяный, что ли?!» – изумленно подумала Алёна, глядя в спину упавшему. Впрочем, он немедленно вскочил. Глаза его и в самом деле блуждали, как у пьяного, а лицо являло из себя картину самых раздирающих чувств: ошеломления, ярости, ужаса... Утерев рукавом пыль с лица (его угораздило угодить в кучку мусора, наметенную каким-то ретивым дворником... звучит фантастически, однако, честное слово, ретивые дворники еще существуют в природе, хоть и в небольшом количестве – сущие единицы не выве-

лись, как класс, и не вымерли, как динозавры!), он нашарил взглядом своих побелевших глаз Алёну и кинулся было на нее с кулаками, как вдруг перед ней мелькнуло что-то синее и серое, какие-то широкие плечи, сильные руки, мужественные (другого слова в данной ситуации не подберешь) лица появились...

– Лежать! – рявкнул чей-то столь же мужественный бас, и Алёна увидела, что водитель вновь распростерт на земле, а на его спине утвердилось невыразимо мужественная нога в высоком солдатском ботинке. Обладатель ноги представлял собой широкоплечего молодого человека в милицейской форме, бритоголового и с несколько свернутым влево носом. Возможно, обладатель носа увлекался боксом и получил крепкий хук справа на товарищеском матче. Возможно, матч был не слишком товарищеский, да и вообще, не матч это был, а схватка не на жизнь, а на смерть с целой толпой нарушителей общественного порядка. А вполне вероятно, что он просто шел мимо какой-нибудь «Газели», а у нее был порван сзади тент, и вот подул ветер...

Ну, и тому подобное. Интересно знать, что случилось бы с водителем *той* «Газели»?

Впрочем, этому тоже не слишком повезло. Он продолжал лежать лицом вниз, с заломленными руками, карманы его были вывернуты, а из них извлечено удостоверение, и сейчас обладатель мужественной ноги, плеч и носа мужественным голосом читал:

– Смешарин Павел Андреевич... – И хохотнул презрительно: – Нашел фамилию, тоже мне! Ничего тут нет смешного! Ты что ж это делаешь, Смешарин?! С цепи сорвался – женщин избивать среди бела дня? Она тебе кто, жена? – Он смерил взглядом Алёну, потом шофера – и со знанием дела покачал головой: – Нет, она тебе не жена, сразу видно. Тогда что ж ты хулиганишь?

– Да я ее, эту ведьму, пальцем не тронул! – глухо провыл Смешарин, который по-прежнему лежал, зарывшись в землю носом. – Не трогал я ее! Пусть хоть сама скажет!

– Не стыдно ли тебе, Смешарин? – спросил Боксер, вдавливая водилу в землю еще сильнее. – Женщину оскорблять – разве можно?

– Не женщина она, а ведьма! – донеслось почти невнятное. – Я ее и пальцем не тронул, а она... – Тут он поперхнулся перстью земной и закашлялся.

– Пожалуйста, разрешите ему встать, – поспешно сказала Алёна, которой в принципе не чужды были самые лучшие человеческие чувства. – Он меня и правда не бил. Я сама... то есть не сама, меня вот эта штука по лицу хлестнула.

И она показала на болтавшийся край тента.

Боксер мигом оценил ситуацию.

– Непредумышленное причинение телесных повреждений, связанное с халатным отношением к своим обязанностям, – вынес он приговор и снял, хотя и с явной неохотой, ногу со спины Смешарина. – Будем шофера и владельца штрафовать, и сильно штрафовать. А если эта женщ... – Он снова смерил взглядом Алёну, торопливо приводившую себя в относительный порядок с помощью влажных салфеток и маленького зеркальца, и быстро поправился: – А если эта дама захочет на тебя заявление написать, то будет совершенно права.

– Да я сам на нее заявление напишу! – завопил Смешарин, поднимаясь и выставя напоказ перепачканную физиономию. – Она убила Коржакова!

– Коржакова? – нахмурился Боксер. – Знакомая фамилия... что-то припоминается такое... коробка из-под ксерокса, пол-лимона баксов...

– Да нет! – в отчаянии крикнул Смешарин. – Она не того Коржакова, а Серегу убила, Серегу! Вы только поглядите, он в кабине сидит! Ужас! Он – хозяин этого грузовика, и что мне теперь с ним делать, с таким?! Мы за товаром ехали, остановились тут, чтобы с хозяйкой товара встретиться и вместе с ней потом... а я ничего не знаю, ни кто она, ни какой товар, ни какой магазин... И кто мне оплатит бензин, работу? А Серегу убила вот она, она!

И Смешарин принялся яростно тыкать в Алёну пальцем, остерегаясь, впрочем, приближаться к ней и держась на почтительном расстоянии.

Тем временем Боксер, его напарник и Алёна подошли к кабине и остановились... вернее будет сказать, замерли, пораженные. Алёна даже забыла о своем разбитом лице при виде скорченного тела, нелепо застывшего в кабине.

– Эй, что с тобой? – окликнул Боксер, осторожно касаясь странно выставленного плеча, и тотчас отдернул руку, изумленно воскликнув: – Как каменный! Что ж такое, а?! Судорогой его свело, что ли?

– А вы на его лицо посмотрите, посмотрите! – прорыдал Смешарин, и все последовали его совету.

Немедленно Алёна подумала, что лучше бы она этого не делала. Лицо пассажира являло собой невероятное смещение черт... казалось, какая-то нелепая и злая сила перетасовала их в сюрреалистическом беспорядке, подняв нос чуть ли не на середину лба, сведя глаза в одну точку и заставив несчастного оскалиться в дьявольской усмешке.

– Матушка Пресвятая Богородица... – прошептала Алёна – и услышала женский голос, со священным ужасом вторивший ей. Оглянувшись и, словно в тумане, увидела бабульку, назвавшую ее злыдней.

Боксер и его напарник выразились несколько более приземленно, можно сказать, плотски, но смысл, в общем-то, сводился в огромному потрясению, которое они испытали.

Бабулька мелко крестилась, закрыв глаза, чтобы не глядеть на ужасный труп. Алёна тоже зажмурилась было, но так ей стало еще страшнее: искаженное, нереальное, жуткое лицо маячило перед внутренним взором, поэтому она глаза открыла, но опустила голову, чтобы не видеть этого кошмара. Надо было отойти, отойти поскорей от кабины, но она не могла сдвинуться с места. Колени подгибались, пришлось ухватиться за край кузова, чтобы устоять на ногах.

Бабка вцепилась в Алёну. Ее тоже не держали ноги, беднягу. Напарник Боксера стоял сам, но его заметно пошатывало.

Боксер, надо отдать ему должное, пришел в себя быстрее прочих. Он выхватил из кармана носовой платок, развернул его – платок оказался размером примерно метр на метр, был стерильно-чист, белоснежен и идеально отглажен (картина устойчивого семейного благополучия мгновенно нарисовалась в воображении Алёны), и набросил его на голову водителя, прикрывая его от взглядов идущих мимо людей. А потом встал так, чтобы вообще загородить своими сажеными плечами открытое окно кабины.

– Вызови опергруппу, – приказал он напарнику. – Скажи, сложный случай, возможно, понадобится медицинская помощь.

– Да что тут сложного?! – заблажил было Смешарин, но Боксер так на него глянул, что он мгновенно осип и продолжал уже почти шепотом: – Что тут сложного, я вас спрашиваю? Вот убийца! – Выразительный жест в сторону Алёны. – Хватайте ее! Она из мести... ее, значит, тентом по морде, а она, значит...

– Это у вас, возможно, морда, а у меня лицо, с вашего позволения, – перебила Алёна, слегка хлюпая кровоточившим носом. – Это раз. Во-вторых, скажите, каким образом я могла убить вашего друга, не сходя с места? Я же там, за кузовом была! Оружия у меня никакого нет. Вы городите сами не знаете что!

– Я не знаю?! – шепотом вскрикнул Смешарин. – Я знаю! Ты ему сдохнуть пожелала, вот он и...

– Тихо, – прервал его Боксер. – Тут пистолет вообще ни при чем. Ранений на нем я не вижу. И от ранений такая судорога человека никак согнуть не может. Причина смерти неизвестного происхождения, так и запишем.

– Я фильм о Шерлоке Холмсе смотрел, – сказал его напарник, который тем временем уже выполнил приказание и вызвал подкрепление, – и там Холмс говорил, что такое окоченение наступает при отравлении ядом кураре. Элементарно, Ватсон!

– Так, – произнес Боксер и повернулся: – Пожалуйста, сумочку вашу предъявите, гражданинка.

– Пожалуйста, – сказала Алёна с вызовом, прикладывая к лицу очередную гигиеническую салфетку. – Желаете посмотреть, не лежит ли там флакончик с кураре, а также духовая трубка?

– А при чем тут трубка? – насторожился Боксер.

– Да при том, – угрюмо усмехнулась Алёна, – что другим образом я его никак не могла убить, этого Коржакова. Говорю же, я вон там стояла, за кузовом. И с места не сходила. Ни уколить кураре, ни тем паче напоить его ядом я никак не могла.

– Точно, у того дикаря в кино про Шерлока была трубка! – радостно воскликнул напарник Боксера. – Да ты что, не смотрел этот фильм? Его все видели!

– Откуда вы знаете про укол? – подозрительно спросил Боксер. – Вот, и локоть у жертвы ранен как-то подозрительно...

Алёна посмотрела на локоть, угловато торчавший из окна кабины. Рукав футболки оканчивался чуть выше, и отчетливо была видна кровь, выступившая вокруг небольшой царапины.

– Это не укол, – сказала она, – это царапина. И даже если через нее попал яд, я тут точно ни при чем. Поскольку для того, чтобы его оцарапать, следовало подойти к покойному, в смысле, тогда еще живому. Я стояла на месте. Так что духовое оружие можете не искать.

Нет, она никогда не могла удержаться от удовольствия поехидничать!

– А может, ты и не стояла! – закричал Смешарин. – Может, ты успела к нему подскочить и...

– Да некогда мне было подсказывать! – шалея от этого прогрессирующего идиотизма, почти закричала Алёна. – Не до убийств мне было, честное слово! Я нос вытирала!

Боксер посмотрел на ее нос, на очередную окровавленную салфетку и выразился в том смысле, что у нее были серьезные основания отомстить владельцу машины.

– Да, да! – возбужденно завопил Смешарин. – Она это! Ее рук дело!

Ну видели ли вы где-нибудь когда-нибудь такого кретина?

– А между прочим, – надменно сказала Алёна, от злости обретая спокойствие и присущее ей высокомерие, – убить Коржакова могли и вы. Вы стояли рядом, вам и отходить никуда не требовалось. Взяли и оцарапали его отравленным лезвием. К примеру, разыграло в вас классовое чувство, надоело подчиняться боссу – ну и... вот вам результат!

– Боссу! – хмыкнул Смешарин. – Нашла тоже босса! Да Серега свой в доску был! И на хрен бы мне его царапать посреди города, скажи на милость? У меня и в гараже таких возможностей было бы до фигища, или в какой-нибудь кафешке, где-нибудь на выпивоне, или вообще, в лесу, когда мы за сырьем в Правобережную ездим. С чего бы это меня вдруг разобрало сейчас?

В этом, конечно, имелась определенная логика, и Алёна не могла ее не признать. Но сдаваться она не собиралась:

– А может быть, вы его отравили еще в гараже или действительно в кафешке? А яд только сейчас подействовал, вот он и умер.

Смешарин уставился на нее с нескрываемым отвращением:

– С больной головы на здоровую, да? У тебя воображение извращенное, вот что я тебе скажу. Тебе бы только детективы писать. Эти... трейлеры!

– Я и пишу, – скромно призналась Алёна. – Не триллеры, конечно, а вполне нормальные детективные романы.

Смешарин в замешательстве примолк.

Боксер и его напарник, в чьих глазах, устремленных на Алёну, уже полыхал алчный пламень, переглянулись с некоторой озадаченностью и спросили, как ее фамилия.

– Ярушкина. Елена Дмитриевна Ярушкина, – честно призналась она.

– Ярушкина? – переспросил Боксер разочарованно. – Нет, такую мы не знаем.

Азартный огонь милицеских очей вновь запылал, и тогда Алёна спохватилась и уточнила:

– Я пишу под псевдонимом Алёна Дмитриева, если вам это о чем-то говорит.

Менты снова переглянулись, и напарник Боксера, явно более культурно развитый, кивнул:

– Читал такую. Так себе. Для теток в основном. Любовь-морковь и все такое. Но правда, есть такая писательница. Между прочим, говорят, личная знакомая самого Муравьева.

– Это какого же Муравьева? – с опаской осведомился Боксер. – Начальника следственного отдела города, что ли?

– Его самого, – кивнул напарник. – Льва Ивановича.

Боксер был так изумлен, что за чем-то начал перечислять некоторые сакраментальные буквы русского алфавита.

– Ага! – злобно закричал Смешарин. – Знакомая начальника? Понятненько! Вот она, та самая коррупция, о которой все говорят!

– Да не в том дело, что знакомая, – попытался оправдаться напарник. – У нее даже почетная грамота от УВД есть. За раскрытие хищения картин в Художественном музее¹. Я по телевизору видел, как ей вручали.

Ну, слава богу, что он смотрел не только сериалы, этот мент, подумала было Алёна, уж теперь-то все, теперь-то Смешарин от нее отвяжется – однако она рано радовалась и рано надеялась, как и выяснилось немедленно.

– Да у вас там могут и медали выдать невесте кому, а что ж, у нее неприкосновенность, как у депутатов, что ли? – вскричал водила. – Она убила, она! Больше некому! Хватайте ее, если у нее неприкосновенности нет, а там разберетесь.

Судя по милицеским глазам, устремленным на Алёну, их обладатели отчетливо разрывались между нежеланием исполнять свой профессиональный долг – и необходимостью это сделать.

«Кажется, пора звонить Льву Ивановичу, – с тоской подумала Алёна, которая терпеть не могла злоупотреблять этой, с позволения сказать, дружбой. – Похоже, сама не отобьюсь. В самом деле, как схватят, как повлекут в узилище... А у меня салфетки кончились, мне умыться надо... и ой, блузка-то в крови, надо срочно застирать!»

И она совсем уже было собралась заявить о праве на звонок «своему адвокату», как вдруг...

– Да отстаньте вы от нее, – раздался рядом женский голос. – Не могла она никого убить, она с места не сходила.

Алёна оглянулась – и увидела ту самую бабульку в детской панамке.

– Никак не могла, – повторила спасительница. – И в трубку она никакую не дула. Я рядом с ней стоялала, я бы увидела. Конечно, слово недоброе она молвила, спору нет, а словом, говорят, убить можно – если, к примеру, порчу навести умеючи. Но порча – она не пуля. Она сразу не убьет. Ей время нужно, чтобы в человеке обосноваться и с ним расправиться.

– Большое спасибо! – прочувствованно воскликнула Алёна. – Как хорошо, что вы в курсе дела. Мне невероятно повезло! Если бы не вы...

– Вот видишь, Смешарин, какие дела, – повеселевшим голосом сказал Боксер. – Свидетельница есть, причем лицо незаинтересованное.

---

¹ Об этой истории можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Мода на умных жен».

– А откуда вы знаете, что ее лицо – незаинтересованное? – завел свое Смешарин, который, конечно, был из породы зануд и фом неверующих, но Боксер крепко стиснул его руку и этак по-дружески предложил замолчать. На лице Смешарина выразилась му#ка, но было ли то вызвано необходимостью признать свои ошибки или чрезмерно пылким пожатием Боксера, Алёна не ведала, и, если честно, знать ей это было неинтересно. Даже сам факт загадочного убийства ее мало интересовал. Она уже вся ушла в мысли о том, где у нее хранится заветный кусочек пятновыводящего мыла, которому она доверяла гораздо больше, чем даже знаменитому «Ванишу». Благодаря этому мылу можно застирать только пятнышко, не замачивая саму блузку. Блузка была новая, хэбэшная, в веселеньких голубых цветочках, изумительно подходящая к голубым же серьгам (наша героиня была из тех продвинутых дам, которые вещи подбирают к бижутерии, а не наоборот), и у Алёны отчего-то имелось подозрение, что от стирки цветочки несколько поблекнут, а 46-й размер блузочки уменьшится до 44-го. К такому уменьшению обладательница блузки была еще не готова, ни морально, ни физически. То есть она хотела бы похудеть, ради этого и шла в спортзал, так вот ведь какая незадача приключилась!

Размышляя о том, что за день такой невезучий выдался, Алёна лишь краем уха слышала, как бабуля-спасительница давала Боксеру свой адрес: Ошарская улица, какой-то там номер, бог его знает, и заверяла, что, конечно, ради справедливости она всегда готова затупиться за невиновного человека. Честно говоря, Алёна даже поблагодарила ее, хоть и горячо, но все же не пламенно, и, лишь только прибыла оперативная бригада и медицинский эксперт, а вслед за тем и «Скорая» с большим черным пластиковым пакетом наготове, тоже оставила свой адрес, подтвердила, что, если понадобится, она непременно явится к следователю по первому же вызову, и побежала домой, понимая, что на сегодня и на завтра о спорте и о похудении придется забыть: кровь пока не унималась. Вообще надо бы к врачу – а вдруг у нее сломан нос?! Эта страшная мысль заставила ее забыть обо всем на свете, и она, конечно, даже не глядела на автомобили, припаркованные обочь дороги. А между тем в одном из этих автомобилей находился человек, считавший себя убийцей Сергея Коржакова. Сидел он в машине не один, а с людьми, полагавшими себя пособниками убийцы. Один из них очень внимательно наблюдал за разыгравшейся около «Газели» сценкой и ее действующими лицами.

– Честно говоря, – подал голос этот человек, – сначала я думал, они ее заметут-таки. Даже обрадовался: вот и коза отпущения нашлась. Ментам же главное, чтобы был подозреваемый, а уж потом они на него таких собак навешают, что – мама, не горюй.

Того, кто считал себя убийцей, аж трясло от волнения: ведь он исполнил свою давнюю мечту! Сколько раз он видел этот миг в воображении... И все же у него сохло в горле от непонятной тоски. Ну да, оказывается, даже убить своего давнего врага не так уж просто...

– Да, – задумчиво проговорил один из «пособников». – Редкостного обаяния дама, хоть и с разбитым носом. Был у нее шанс загреметь в обезьянник, но ведь вывернулась же, а?

– Кто она такая? – с досадой спросил «убийца».

– Это писательница местная, – прозвучал ответ. – Алёна Дмитриева. Между прочим, детективы пишет.

– Что, серьезно? – насторожился «убийца». – Детективы?! Так у нее, наверное, логическое мышление развито, думать умеет, концы с концами сводить... Может, с ней лучше не это, ну, не связываться? А?

– Не переживай, – легко отмахнулся «пособник». – Насколько я слышал, эта дама думает не головой, а исключительно передком, и если ее интересует связывание каких-то концов, то только мужских. Причем чем этих концов больше, тем лучше. Обыкновенная нимфоманка, натуралка, репутацией своей не дорожит, рассудком не блещет, да и писательница, честно говоря, не из первого эшелона: гонорары у нее копеечные, одевается, конечно, не на Центральном рынке, но и не в бутиках на Покровке и даже не в «Этажах». По слухам, обладает редкост-

ными способностями ввязываться в неприятности. Да вы сами только что видели – это правда. Ладно, господа. Поехали. Сделал дело – гуляй смело!

За десять лет до описываемых событий

Что такое секс, Лерон узнала, когда ей исполнилось пятнадцать. В тот день по их деревне нестройною гурьбой, но решительным шагом прошло около полусотни совершенно голых мужчин и женщин. Все они направлялись к Волге, к Белой полоске.

Белой полоской в туристских путеводителях по нижегородской области назывался замечательный пляж, протянувшийся на километр и ограниченный двумя лесистыми и скалистыми выступами. Городские при виде его ахали: уникально, мол! Да уж, небось и впрямь уникально: на грязно-сером галечно-каменистом побережье вдруг увидеть этот мелкий, мелово-белый, словно просеянный, плотный песок... Глаза слепило, особенно когда ветер и солнце играли, гонялись друг за другом в глянцево-синей, тугой, раззадоренной их игрой волжской волне. Деревенские к Белой полоске, впрочем, относились неприязненно и бывали там редко по причинам, которые будут указаны чуть ниже, но приезжих она приводила в восторг.

Один отпускник, за месяц до этого живший на постое у прабабки Лерон, назвал Белую полоску Берегом Слоновой Кости. Прабабка, услышав это, уронила на пол челюсть... и никакой, между прочим, хохмы тут нет, это не метафора, а реальный факт, ведь челюсть была вставная, правда, сработанная неладно, топорно, вот она и вываливалась в самый неподходящий момент. Прабабка сначала ругалась на чем свет стоит, но с годами привыкла отыскивать родимые зубки под столом или под кроватью, бежать бегом к рукомойнику (она была старушка чистоплотная), ополаскивать – и снова вставлять на место. Звучит сие, может быть, не очень красиво, однако седенькой, розовенькой, гладенькой, чистенькой Лероновой прабабушке (не баба-яга какая-нибудь, а просто тебе мисс Марп а ля русс!) люди это охотно прощали, брезгливо не косоротились, а взирали на нее снисходительно: мол, неведомо, какими мы сами станем в столь преклонные года: бабуле недавно сравнялось девянсто пять. – Возможно, не токмо челюсти терять начнем, но и вообще утратим способность связно мыслить. А прабабушка мыслила оч-чень даже связно, в чем всякий сможет вскоре убедиться. Одна беда: без челюсти она почти не могла говорить, изо рта текла какая-то звуковая каша, поэтому общение с бабулей в таких случаях становилось затруднительным. Вот и сейчас: городскому, который Белую полосу назвал Берегом Слоновой Кости, пришлось подождать, пока прабабушка придет в форму и сможет членораздельно выговорить, всплеснув изумленно руками:

– Да откуда ж ты знаешь про это, милай, про Слонову-то кость? Неужто и в городе про наши кудесы наслышаны?

– Кудесы – это что ж такое? – поинтересовался городской. – Это по-каковски?

– Да по-нашенски, по-русски, – пояснила бабуля. – Чудеса, не то кудесы. Нешто не слышал?

– Не, не слыхал, – покачал он головой.

– Ну ладно, молодой ишшо, – пожалела его бабуля, которой, с вершин ее возраста, этот тридцатилетний мужчина казался, конечно, сущим младенцем. С другой стороны, пятнадцатилетней Лерон он чудился ветхозаветным старцем... вот так, на собственном опыте, она постигала постулат об относительности времени. – Все у тебя ишшо впереди! Однако давай, рассказывай: откель знаешь про Слонову Кость?

– Ну, об этом все знают, – пожал плечами городской. – Всякий образованный человек, я имею в виду, – тотчас поправился он. – Берег Слоновой Кости находится в Африке, в Южно-Африканской Республике. Там добывают алмазы, ну, а поскольку там водится много слонов, то...

Тут городской осекся и обиженно надулся, потому что бабуля расхохоталась. Впрочем, спустя минуту надутость его исчезла, потому что смеялась она чрезвычайно заразительно, и вот уже городской начал точно так же мелко морщиться и трястись, как она, хехекать и хихикать, сам не зная, по какой причине, просто оттого, что так захотелось, а еще ему показалось, что он и впрямь сморозил некую чушь, что Берег Слоновой Кости – вовсе не то, о чем он подумал, а нечто совершенно иное. Но что?

Через мгновение он узнал – что.

– Голубчик, – задушевно сказала прабабка. – Сколько годов на свете живу, а всё диву даюсь: отколь вы, городские, столько чепухи в голову набираете? Ну чисто собаки, что в репьях валялись и понацепляли их на себя! Какие тебе алмазы? Какая Африка? Слон – это был наш парень такой, деревенский, я его помню, мы с ним когда-то в одной луже плюхались, потом за овином рубахи задирали, показывали друг дружке, чем мальчишка от девчонки отличается, потом... – Она пожевала губами, не то по стариковской привычке, не то проглотив какое-то скромное воспоминание, и лукаво подмигнула. – Ну, в те поры, конешное дело, его звали просто Кешка, Иннокентий, а Слон – это уже потом так кликать стали, когда начались у парня в голове туман и шатания. Он не жил, а слоном по жизни слонялся. Нет чтобы вовремя жениться, как все добрые люди делают, да и найти плоти утешение, он прилепился сердцем не к бабе, а к такому же парню, как он, только помоложе.

– Да что вы говорите?! – изумился городской. – *К парню?* Мать честная... Неужели и в прежние времена *такое* было? И в России?! А я-то думал, это болезнь нового времени... Хотя что я говорю? – одернул он самого себя. – Какой-то из дядьев последнего царя этим весьма увлекался, ну а в древности вообще, куда ни плюнь, попадешь в голубого... римляне всякие там, персы... древние греки, во! Даже Аполлон в мальчиков влюблялся, в этих, как их... – Он пощелкал пальцами, помогая себе вспомнить, но так и не смог.

– Аполлон? – хихикнула прабабушка. – Аполлон – да, он красавчиков еще как жаловал, Кипариса с Гиакинфом!

Тут вновь послышался удар челюсти об пол... на сей раз это была челюсть городского, и упала она не в прямом смысле, а в фигуральном.

– Как же, как же, было дело! – продолжала бабуля. – Ох, и похабник он оказался, отец Аполлон-то! При сане, при попадье, при детках-поповичах – а пригожих мальчишек из церковного хора так и норовил во грех вовлечь. Кипарис с Гиакинфом ликами были – ну чисто ангелы небесные! Не уберег, однако, их ангельский облик, опаскудил мальцов Аполлоша. Прознав про енто дело, наши мужички, отцы тех парнишек, привязали однажды ему камень на шею – да и отправили к водяному батюшке акафисты петь. Но успел он, успел-таки и Кешку приучить к похабству-непотребству. Однако ж про то никто до поры не знал, был он Кеша и Кеша, парень и парень, на вечорках девок лапал, как и положено, покуда не свихнулся из-за одного мальчонки. Егором того звали, как щас помню. Когда ж енто было?... Лет уж восемьдесят миновало, не соврать бы... Ага, ага, аккурат в восемнадцатом, летом. Гражданская шла уже, но и жизнь тоже продолжалась... Егоровы родители из-под Питера приехали, там совсем солоно было, ну, они избу покупать вздумали в наших краях. А прежние ее хозяева Кешу подрядили крышу подлатать – чтоб поприглядней изба была, чтобы взять подороже за нее. Ну, енту крышу на избе он подлатал, зато в собственной прореха сделалась. Родители Егоршины поначалу не уразумели, что к чему, но это лишь до поры. Когда Кеша к Егору полез, тот крик поднял такой, что не только домашние – полдеревни сбежалось. Помяли бока незадачливому любовничку. Конечно, сделка расстроилась. Хозяева, которым избу продать не удалось, так-то навтыкали Кеше с расстройства, что он с тех пор ходил, на одну сторону скособочившись. Был красавец – стал крюк кривой. И в мозгах смятение устроилось – не мог Егоршу позабыть. Любовь, знать, не картошка, будь ты хоть истинный мужик, хоть пидарас! Слонялся все по бережку, по белому песочку, да плакал. Слезами плакал, сама видела! Тогда его Слоном и про-

звали. А почему он по берегу слонялся – потому, что там Егоршу в первый раз увидел, когда тот купался телешом. Вот и бродил там... а однажды исчез.

– Утопился? – догадался городской.

– Может, и утопился. Только волнами его на брег не выкинуло. Пропал-сгинул! И прошел слух, будто продал Слон душу нечисти, чтоб снова Егорку увидеть, и не просто увидеть, а к рукам прибрать. Продал!.. Но ведь нечистый – он даром что враг рода человеческого, а похабства-непотребства все ж не любит. Мужика на грех с чужой женой сподвигнуть – это с дорогой душой, завсегда пожалуйста, а когда промеж муштинами... видать, и ему, козлоному, сие неведомо зреть. Видать, и он пидарасов не переносит. Душу, значит, Слонову нечистый забрал, а взамен ничего ему не дал. Ничегошеньки! Насмеялся над страдальцем – и был таков! Но мало того что душу отнял – Слоново тело по косточкам разобрал. Лишь только сделка совершилась, лишь только поставил грешник на договоре кровавый крест, как тотчас кровь его черной пылью собралась и ветром ее унесло, словно прах, как и положено, – пояснила прабабка со знанием дела, – ну, а тулово развалилось на мелкие клочки-кусочки. И с песком смешалось. С тех пор нет-нет, да и найдут косточку Слона то там, то сям. Оттого и берег, вишь ты, промеж своими так прозывается: Берег Слоновой Кости.

– Жуть какая! – передернулся городской. – И что, прямо так вот в песке находят то ребра, то мослы... ну, не знаю, то позвонки? Да нет! Это вы мне лапшу на уши вешаете! – вскричал он вдруг. – Говорите, это было в 1918-м, что ли? Ни хе... Извините, бабушка. Я хочу сказать, ничего себе! Может, это вовсе и не вашего Слона останки, а каких-нибудь собак бродячих или вообще давно сгнивших покойников? За столько-то лет кого тут только не прикончили небось!

– Ох, не говори! – вздохнула бабуля. – Бывало всякое! На этом берегу то белые красных стреляли, то красные белых, то взрывы устраивали, полберега разворотили, да и в наши дни, чтоб смертоубийство какое-то свершить – народ сюда тянет, просто хлебом не корми. То мужик сударика женки своей топором зарубит. – Судариками называли на деревне бабьих хахалей. – То баба в мужнину полюбовницу пальнет... ох, лихие у нас нравы, родимый... всякое случалось! Однако ж я тебе вот что скажу. Не абы какие ребра-черепушки Слона рассеяны в белом песочке, ох, не абы! Вот сколько костей в человеке может быть, скажи мне?

– А черт его знает, – пробормотал городской, да и Лерон, отличница, плечами пожала: может, двести?

– То-то, что черт знает, – кивнула бабуля. – Все кости Слоновы кознями нечистой силы обратились в одно и то же. В одну и ту же кость! И только ее стали отныне находить в белом песочке на берегу. Раз уж сто, а то и больше находили – а она все отыскивается там снова да снова, опять и опять...

– И что ж это за кость? Как она выглядит? – недоверчиво спросил городской. – Расскажите!

– Внучка, выдь! – скомандовала прабабка. – Не погань слух!

– Бабуль, да нешто я малолетка? – проворчала Лерон, однако все же послушалась: не потому, что опасалась слух опоганить (как всякое местное дитё, она историю о Слоно знала с младенчества во всех подробностях!), а просто чтобы бабулю не огорчать, главное же – надоели липкие взгляды городского, ползавшие по ее ногам.

Но далеко она не ушла: чуть прикрыв за собой дверь, остановилась в сенях и услышала, как бабуля таинственным голосом сообщила городскому, что всякая кость Слонова обернулась камнем херью. И оное камень постоянно обнаруживается в песке – тут и там.

Придут, скажем, ребяташки в белом песочке на берег поигратися, начнут кремушки искать, ямки копать и башни строить да наткнутся на камень херь. Плохо дело!.. Такие парнишки, когда подрастут, непременно заделаются блудилами и горькими пьяницами, ну а девчонки вырастут потаскушками и беззастенчиво пойдут по рукам. Путь-дорога им одна будет: в город, в Нижний Горький, где народ – спившийся и скурвившийся, как и положено городским.

А иные-прочие, особо старательные и талантливые, могут даже перебраться во всероссийское гноилище и поганище – Москву.

Услышав эти слова, Лерон сердито свела брови. Она не согласна была, что Москва – гноилище и поганище. Москва – это столица, это... это блеск!!! В телевизоре посмотришь, какие там мужчины и женщины, – слезами зависти изойдешь, что не живешь там или хотя бы в Нижнем Горьком. Но разве с бабушкой поспоришь? Лучше и не пытаться. Лучше молчать, пока косу по волоску не выдрала и всю задницу до синяков не излупила, бабушке ведь даром что девяносто пять, даром что ветром ее вроде бы сдует: силища у нее в руках – куда тебе пятнадцатилетней Лерон! К счастью, дралась бабуля очень редко, Лерон она и не была никогда... вот прадеда два года тому так навернула в висок, что он копыта мигом откинул! Правда, участковый, дядя Евгений, везде записал во всех протоколах, что прадед сам с крыльца свалился. Да разве мог он иначе написать, коли бабуля доводилась ему родной бабушкой?! Дед, конечно, тоже был родным... А все-таки дядя Евгений на деда имел зуб, ибо старикан был снохачом из снохачей и именно с женой дяди Евгения застигла его прабабка перед тем, как отправить на тот свет.

Вся деревня знала, что дядя Евгений покрыл преступление, и вся деревня его за это уважала. Жена его, поблядушка, да и прадед, если на то пошло, были чужие, заволжские, левобережные, а бабушка и сам дядя Евгений – свои до мозга костей: здесь, в Правобережной, родились, здесь выросли, здесь и похоронены будут на своем кладбище, возле церкви Матушки-Троеручницы...

Левобережных отчего-то испокон веков увозили хоронить за Волгу. Туда отвезли и прадеда, а поблядушка, с которой дядя Евгений мигом оформил развод, сама уехала.

Между тем, пока Лерон размышляла, бабушка продолжала рассказывать про Белую полосу (Берег Слоновой Кости тоже) и камень херь.

Если отыщет сие камень девка-невеста, жди скандала после первой брачной ночи: непременно распчатой окажется. Конечно, она начнет плакать-кричать, мол, не было у меня никого, мол, не давала никому, и это правда: не она виновна – камень херь!

Коли наткнется на оное камень мужняя жена, то вскоре забеременеет и родит, однако сын али дочь окажется ни в мать, ни в отца, а либо в соседа, либо вовсе в какого-нибудь проезжего молодца. И напрасно женка станет бить себя в белые груди, доказывая, что ни-ни-ни – ни сном, ни духом не допускала греха: никто ей не поверит. А зря, ибо виновница случившегося не она, а камень херь.

– Ну и словечко! – хохотнул городской. – И на что ж это камень херь похоже?

– А сам не догадываешься? – спокойно спросила бабуля.

– Неужели на... хм-хм?... – Городской смущенно запнулся.

– Во-во, – сказала бабуля. – На енто самое, что у мужика в штанах свернувшись лежит да знай ждет своего часу, чтобы баб во грех ввести. Величины камень бывает разной: какое – в вершок, какое – в пядь, но, сам понимаешь, дело не в размере...

– ...а в технике, – ляпнул городской что-то непонятное.

– Это уж точно, – хмыкнула бабуля, которая, похоже, его превосходно поняла. – Большую херь найдешь или малую – конец один, и не шибко хороший. Теперь ты знаешь, почему у нас Белую полосу Берегом Слоновой Кости зовут и почему туда никто ходить не любит. Вот разве что вы, приезжие, лезете туда, будто для вас там медом намазано... Даже какие-то студенты, помню, приезжали, легенду про Слона записывали, говорят, это местный фольклор, даже книжку прислать обещали, в которой этот фольклор, значит, напечатают, да так и не прислали. Не то забыли, не то сказали им, чтоб книжку не похабили...

– А вот интересно, из чужих кто-нибудь находил камень херь? – задумчиво спросил городской. – И действует ли она на них так же, как на местных?

– Сие, милочек, мне неведомо, – с сожалением промолвила бабуля. – Вот разве ты расскажешь через годок-другой, что с тобой приключилось?

– Я? – изумился городской. – А почему я?

– Как почему? Потому что ты камень сие нашел.

– Я?!

– Да что ты заладил одно и то же! – уже сварливо буркнула бабуля. – Я, я! Утресь с берега пришел, из сумки своей песок у крыльца вытряхивал, чтоб в дом не тащить? Вытряхивал. Ну и вытряс с песочком камень херь. Поди погляди: оно там до сих пор валяется.

– Что за ерунду вы говорите! – возмутился городской. – Неужели бы я не заметил, если бы с песком камень вытряхнул? Нету там ничего.

– А я говорю, есть! – усмехнулась бабуля.

– А я говорю, нет! – фыкнул городской.

– Да ты поди погляди, – посоветовала бабуля.

– И глядеть не стану! – заартачился городской.

– Ну и зря! Поди погляди! Камень не простое, где такое ишшо увидишь? – подначивала бабуля.

– Не пойду! Не стану глядеть! – уперся постоялец.

Пока они пререкались, Лерон не мешкала: выскочила из сеней, прыгнула с крылечка да так и впилась взглядом в землю.

Лерон родилась и выросла в этой деревне, на Берегу Слоновой Кости бывала раз сто, а может, двести или даже триста, но ни разу не натыкалась на камень херь. Собственно, не очень-то и хотелось – раньше, но сейчас... сейчас, чудилось, она все на свете отдала бы, чтобы хоть одним глазком на него взглянуть.

Ага, вот по убитой земле рассеян приметный белый песок, вот камушки маленькие валяются, а вот...

Ишь ты! Лежит что-то такое... не больше мизинчика длиной. И по форме на мизинчик похоже, только как бы в шляпке... ну в точности малюсенький гриб-подосиновик.

Лерон наклонилась и подняла камешек. Казалось, он был выточен из цельного кремня, и так тщательно-тщательно! Цвет имел такой... как бы розово-смуглый, словно бы слегка загорелый.

Так вот оно какое, камень херь! Занятная штучка. Странно, как это постоялец мог не заметить камушек? Он же сразу бросается в глаза! А может... может, бабуля что-то схимичила? Взяла и подбросила, чтоб насмеяться над городским! С нее небось станется! Тогда нужно поскорей камушек положить на землю. Не дай бог бабуле помешать!

Лерон разжала пальцы, но камень херь так и осталось на ладони, словно прилипло к ней. Она потрянула пальцами – не помогло. И в это мгновение на крыльце появились городской с бабулей. И воззрились на Лерон и на камень херь в ее ладони.

– Ага! – заблажил городской. – Я так и знал, что здесь дело нечисто! Я так и знал, что это вы нарочно Лерон попросили выйти, чтобы она мне херь подкинула!

– Внучка! – взвыла бабуля. – Зачем ты эту погань взяла! Кинь ее! Кинь немедленно!

Лерон снова потрянула ладонью и даже поскребла херь пальцами, пытаясь оторвать, – без толку.

– Бабуль, я не могу... – простонала она, испуганно глядя на прабабку, из глаз которой вдруг хлынули слезы. – Бабуль, ну ты что?!

Прабабка стояла и громко всхлипывала.

Даже городской встревожился:

– Да ладно, успокойтесь, бабушка, не в обиде я на вас...

– Что мне твои обиды! – проговорила дрожащим голосом прабабка. – Ты свою жизнь почитай уже отжил! А вот моя правну#ка...

– То есть как это? – с каким-то обиженно-ошарашенным видом перебил городской. – Как это – я жизнь отжил?! Да мне всего только тридцать!

– Вот и хватит с тебя! – махнула рукой бабуля так решительно, словно отсекала все последующие годы, которые постояльцу были, по ее мнению, совершенно не нужны. – А моя правну#ка... А деточка моя... Эх! – И слезы внезапно перестали катиться по ее лицу, словно кто-то где-то перекрыл краник. – Ладно, что ж теперь делать... от судьбы, знать, не уйдешь.

Она смешно подперлась ладонью и поглядела на Лерон светло и лучисто:

– А может, оно и ничего... как-нибудь обойдется... Не горюй, внученька! Я вот тоже находила эту самую камень херь вскоре после того, как она из Слонова тела произошла... и ничего, жива. И хоть слез через то много пролила, но и счастья много узнала. Хоть и говорится, мол, не в епле счастье, но и без епли его нету!

– Что вы такое говорите, бабушка?! – сконфузился городской. – При девчонке-то...

– И то правда, – промолвила старушка, застеснявшись и даже покраснев. – Не стану более. И от тебя, Лерка, чтобы ничего такого не слышала! Держись! Глядишь, все и обойдется, если попусту про еплю болтать не станешь, думать о ней забудешь!

Лерон усмехнулась. Можно подумать, она этого слова никогда не слыхала! Оно было ей знакомо с детства. Все кругом знай только про еплю и болтали. Все книжки заканчивались ею, даже те, которые в школе проходили. Ну чем, спрашивается, занимались все герои, игравшие свадьбы со своими избранницами? Да ею, родимой! Только ею! Стоило закрыть книжку, как они мигом тащили в постель своих молодых жен – и ну наяривать!

Ну и что? А ничего страшного! В этом и состояла жизнь. Лерон, деревенская девчонка, видела в беспрестанной епле людей, животных, птиц и насекомых непременное условие продолжения всего сущего на земле.

И все же она бабку послушалась и держалась целый месяц, запретного слова не произнося. Месяц этот печальным выдался. Прабабка померла, и ее похоронили, и девять дней отгуляли, а Лерон все еще нет-нет, да и всплакивала по ней... И вот однажды по деревне нестройною гурьбой, но решительным шагом прошлось, направляясь к Волге, к Белой полоске, около полусотни совершенно голых мужчин и женщин.

В деревне никто им особенно не удивился. Удивляться оказалось практически некому: все работоспособное население гнуло спину на полях-огородах, ведь в деревне, как известно, день год кормит. Малышня и пацанва были в детсаду или на школьной площадке. Кое-где выглянули из окон старики и старухи, но и они особого беспокойства при виде нагих не проявили: решили, что мнится-мерещится им – от преклонных годов и от жары. Жара и впрямь стояла невероятная, небось и не такое примерещиться может!

А вот Лерон... пятнадцатилетняя Лерон стояла, облокотившись о штакетник, и внимательнейшим образом разглядывала мужчин и женщин, которые маршировали мимо, старательно и как-то очень напряженно размахивая ладонями. Лерон показалось, что делали они это для того, чтобы не дать этим ладоням стыдливо прикрыть свои передки. Передки были забавные такие. У баб и девок – сплошь лысые: не то бритые, не то щипчиками для бровей выщипанные. У мужиков спереди свисали весьма незначительные каменья-хери, и только у одного, поотставшего от прочих, торчало на чреслах нечто весьма напоминающее детородный орган соседского жеребца Кафки – до того, как его ветеринар в мерина превратил.

Вид у обладателя этой выдающейся вещи был переконфуженный, лицо красное. Он вертел глазами по сторонам, лишь бы они не упирались в спины двух голых задастых красоток, шествовавших впереди. Ну и довертелся: увидел Лерон. Отчего-то, поглядев в ее зеленые глаза и на русые кудри, разметанные ветром, а также на грудь, едва помещавшуюся в прошлогоднем линиялом сарафанчике, он еще пуще рассерчал и довольно грубо буркнул:

– Что пялишься? Нудистов никогда не видела, что ли?

– Нет, – честно призналась она. – А вы почему голые?

– Да потому, что мы нудисты! – прохрипел он, еще пуще краснея.

– А куда идете?

– На Белую полосу.

– А зачем? – не унималась любопытная Лерон.

– Загорать, млин... – прорычал «мущина» и приостановился, хватаясь то за свой орган, то за сердце.

– Куда вам загорать? – пожалела его Лерон. – Вы и так красный! Обгорите в один момент. Вам надо в тенечке полежать.

– Не хочу я в тенечке лежать! – взвыл нудист. – Я хочу... хочу с тобой сексом заниматься.

– Чем?! – изумилась Лерон, услышавшая такое слово впервые, и даже рот приоткрыла, так ей стало интересно.

– Ох, не могу! – простонал нудист. – Страна непуганых идиотов! Что, серьезно, не знаешь, что такое секс?

– Не знаю, – кивнула Лерон. – А что? Я только в девятом классе учусь, мы этого еще не проходили.

Нудист схватился за свой замечательный причиндал, потряс им, покачал из стороны в сторону:

– Видишь эту штуку? Ну так я хочу, чтоб ты на спину легла, ноги раздвинула, а я б сверху устроился. Ну и... туда-сюда, туда-сюда...

– А, так это епля, а никакой не секс, – разочарованно сказала Лерон. – Секс, ну и словечко придумали! Я думала, что-нибудь особенное, а это... Епля! Обычное дело!

– Так для тебя епля – дело обычное, значит? – простонал нудист. – Это хорошо! Может, со мной займешься этим обычным делом? Так, мимоходом? Сунул, вынул и пошел? А то я сейчас сдохну, честное слово! Я, ты понимаешь, к нудистам просто так, за компанию примкнул. Думал, они только и делают что трахаются, а они, как юные пионеры, – мальчики направо, девочки налево. Ежели член стоит – это моветон. А я... я ж нормальный мужик! Как ему не стоять, когда кругом столько голых баб? А они не дают! Слушай, а может, это... мы с тобой... ну, займемся?

И он нетерпеливо шагнул к забору, за которым скрывалась Лерон.

– Чем займемся? Еплей?! То есть этим вашим сексом?! Вы что, дяденька?! – ужаснулась Лерон. – Я ж еще маленькая! Мне всего пятнадцать лет. Я девушка! Мне замуж выходить! Я только мужу своему первый раз дам и только после свадьбы!

– Разумно, – с унылым выражением лица кивнул нудист. – Уважаю... А может, за щеку возьмешь? А? Целкости твоей не убудет, а мне полегчает.

Лерон глаза вытаращила.

Додумался, конечно, дяденька – сказануть такое... Брать за щеку – это позволяют себе только поблядушки, вроде тех девчонок, которые находили когда-то на Берегу Слоновой Кости камень херь и потом переезжали в Нижний Горький, а то и в Москву, сосайством и раздвиганием ног зарабатывали там себе на пропитание... а также на наряды, на квартиры, машины и поездки за границу.

Как-то раз одна такая деваха, бывшая деревенская, ныне городская, приезжала в родные края. Она прошла нелегкий путь от придорожной «соски» до менеджера фирмы, занимавшейся устройством развлечений для богатых людей (это именовалось шоу-бизнесом). Раньше звавшаяся Аней, эта русоволосая худышка теперь носила имя Анжелики и стала грудастой брюнеткой с неподвижным, словно окаменевшим лицом. Говорит, смеется, моргает, а в лице и не дрогнет ничего, ни морщиночки не возникнет, ну, чисто маска из папье-маше! Милка, подруга Лерон, была младшей сестрой Анжелики и говорила, что волосы у нее крашенные, титьки надувные (силиконовые), а в лицо что-то впрыснуто, вроде бы тот яд, который в протухших консервах образуется. Это нарочно так делается, чтоб все живое в лице умерло, чтобы

мышцы онемели и не двигались, тогда старые морщины разглаживаются, а новые не образуются.

С собой Анжелика привезла пригожего, ладного такого молодого человека по имени Андрюшка. Красивенький, темноглазый, словно бы выточенный весь... Он был Анжелике не муж, а просто сударик. Анжелика кричала на него матом, а он бегал за ней, как собачонка, и только улыбался угодливо. За столом по первому движению ее ресниц (ресницы все же еще живыми оставались, шевелящимися, хлопающими, только очень сильно мохнатыми были от туши) клал ей руку на колени и переползал между ними повыше... А Анжелика брезгливо кривила губки и хлестала его ладонью (не тронь, мол, похабник!), словно не она сама его к этому вынудила.

Андрюшка игриво улыбался, отдергивал руку и втихомолку, чтоб никто не видел, дул на нее (видать, била Анжелика не щадя, с оттяжкой!).

– Да это собачонка комнатная, а не мужик! – вынесли Андрюшке брезгливый приговор деревенские.

Однако ночью из той комнаты, куда положили спать Анжелику с Андрюшкой, разнеслись на всю деревню скрип старой кровати и громкие женские стоны-крики. Анжелика материлась на чем свет стоит и орала:

– Би-би меня туда! Би-би меня сюда!! Би-би меня везде!!!

– Знатный стебарь! – признали разбуженные с первыми петухами деревенские мужики, и вскоре по всей деревне содеялся ладный кроватный скрип. Правда, орать бабы стеснялись, не подобало сие приличным женщинам, так что Анжелика солировала до самого рассвета. Ну, на то она и была городская, чтоб стыда не знать!

«Неужели и я такой стану?! – с ужасом думала Лерон. – Я ведь тоже нашла камень херь... Правда, не сама, чужую взяла, но все-таки... Испорчусь я от этого или нет?»

Ну, пока что она никому не давала себя испортить – и нудисту не позволит. И за щеку не возьмет!

– Идите-ка вы отсюда подобру-поздорову, – посоветовала Лерон, – а то... а то позову Ваську, он вам ка-ак навернет!

– А кто такой Васька? – опасливо спросил нудист.

Лерон поглядела на него задумчиво. Кто такой Васька, она не знала. Может, кот, может, человек. Это имя просто так ей в голову пришло. То есть в их доме никакого Васьки не было, вообще никого с таким именем среди ее знакомых не имелось, но признаваться в этом нудисту она не собиралась.

– Вы что, Ваську не знаете? – проговорила сухо. – Тогда лучше вам его и не знать никогда! А то... Васька – это о-го-го! Вот как позову его! Лучше уходите!

– Не надо никого звать! – убито пробормотал приезжий. – Я и правда лучше пойду.

И он пошел, вернее, побежал, смешно выбрасывая ноги вперед. Наверное, ему очень мешало то, что между ними торчало.

Лерон посмотрела ему вслед, вздохнула и подумала, что доведут себя нудисты до беды: обгорят на солнышке, потом будут мучиться!

Сильно обгореть нудисты не успели. Взрослые жители деревни откуда-то прознали, что пляж занят этими скоромниками. Побросали работу в поле, пришли – и выперли голых вон, чтобы не поганили своим видом окружающую природу. И снова белела нетронутая, пустынная Белая полоска, Берег Слоновой кКости, и по-прежнему почти не ступала туда нога человека...

Только в прошлом году, когда какая-то богатая фирма откупила у областного начальства часть побережья и устроила тут свой дом отдыха, пляж снова заполнился народом. Но они ведь были все чужаками, приезжими, никаких деревенских обычаев и легенд не знали, а потому и камень херь к их рукам не липло. Во всяком случае, ни о чем таком Лерон не слышала.

С другой стороны, жизнь ее особо-то не располагала ни к епле, ни к сексу. Не с кем было заниматься ни тем, ни другим. Для первого нужен был муж, для второго – сударик, но обзавестись ими Лерон еще не успела. Вскоре после смерти бабки попали в аварию ее родители, и хоть остались, слава богу, живы, но крепко обоих покалечило. Ломить на полях, как раньше, они теперь не могли, еле-еле в огороде ковырялись, худо-бедно обеспечивая овощью, а деньги зарабатывала Лерон.

Хотя какие там были деньги-то, на ее работе... Одни слезы!

Ей хотелось учиться, но пришлось идти на заочное. Она окончила библиотечный факультет и стала работать в Доме культуры. Библиотека здесь была огромная – много книг осталось еще с дореволюционных времен, перешло «по наследству» от бывшего владельца здешних угодий, помещика Ведищева. В шестидесятые годы прошлого века целая куча книг была завещана библиотеке знатным нижегородским писателем, бывшим отсюда родом. К тому же при советской власти исправно работали бибколлекторы, снабжавшие глубинку новейшими книгами. Потом, при демократах, стало, конечно, потяжелее. Сколько раз бывало, что, возвращаясь с сессии из Нижнего Горького, Лерон тащила за собой сумку-тележку, набитую книгами, купленными на ее собственные деньги... Иногда, правда, ей оплачивали эти покупки в совхозной бухгалтерии. А иногда и нет. Но как только фирма выстроила свой дом отдыха, жизнь изменилась самым замечательным образом: новые хозяева взяли сельскую библиотеку под свое покровительство, исправно выделяли немалые деньги на закупку новых книг, а Лерон теперь работала библиотекарем и в доме отдыха, то есть раз в два дня привозила отдыхающим книжки на обмен. Главное же, что библиотекарю теперь отлично платили!

Да, жить стало гораздо легче: пожалуй, Лерон впервые вздохнула свободно и перестала трястись из-за дум о завтрашнем дне: мол, что будет с родителями, если она вдруг лишится работы? Непохоже, что лишится! И хоть они миллионерами так и не стали, но и не бедствуют. И не будут!

Зато тряхнуло ее из-за мыслей о дне сегодняшнем...

* * *

Вечер Алёна провела в компании с пакетиками льда, которыми врачевала свой безнадежно распухший нос. Запасов льда у нее было много, лечиться она могла и весь вечер, и ночь, – спохватилась только, подумав, что опухоль она, может, и снимет, но вместо нее насморк и обморожение заработает. Пришлось отложить процесс и заняться неотложным делом. Заключалось оно в том, чтобы отложить свидание. Она позвонила молодому человеку, с которым состояла, как говорили в иные, более галантные времена, в необременительной и вдохновляющей связи. В списке контактов ее мобильного телефона он был обозначен именем Алекс, потому что его звали Александр, однако прозвище носил Дракончег – по восточному гороскопу, весьма чтимому Алёной, он был Драконом, как и она. История их знакомства вполне достойна стать темой для романа... если бы кто-то взял на себя смелость написать столь фривольный роман ². Алёна сообщила ему эту грустную весть. Дракончег выразил огорчение, однако не столь сильное, как ожидала Алёна. Показалось ей или она даже расслышала что-то вроде облегчения в его печальном голосе?

Наверное, показалось, решила Алёна, загоняя свою мнительность куда подальше, однако настроение, и без того бывшее, сами понимаете, не ахти, рухнуло ниже самого провального предела. Сразу пришли воспоминания о том, что Дракончег уже раза три подряд отменял им же назначенные свидания... прежде о таком и помыслить было невозможно: задолго до назначенного часа он начинал бомбардировать Алёну эсэмэсками о том, чего он хочет и как

² Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Академия оболыщения», издательство «ЭКСМО».

именно хочет... Подгнило что-то в королевстве Датском, честное слово! Главное, в создавшейся ситуации никак нельзя было прибегнуть к давно испытанному способу утешения: если подвел один любовник, можно позвать другого. У Алёны всегда имелся кто-нибудь про запас, причем эти молодые люди, разумеется, даже не подозревали о существовании соперников. Но с таким носом невозможно и помыслить, чтобы вызвать к себе даже самого что ни на есть запасного игрока, ведь если женщины любят ушами, то мужчины – глазами, а при виде такой физиономии, какая сейчас имелась в наличии у нашей героини, мог потерпеть фиаско даже чемпион мира по непрерывному сексу! Поэтому Алёне пришлось утешаться не физическими, а интеллектуальными способами. И, чтобы отвлечься от сердечного нытья, она позвонила Льву Ивановичу Муравьеву, упомянутому выше главе городского следственного отдела. Она хотела разузнать, какое развитие получило дело о разбитии носа писательницы Дмитриевой и кому оно передано. То есть Алёна смутно подозревала, конечно, что оно будет именоваться скорее всего делом об убийстве некоего Сергея Коржакова, но заявить, что наша героиня была сущей эгоцентристкой, – это значит просто ничего не сказать...

Ну вот, позвонила она, короче говоря, Муравьеву в приемную и получила ответ, что Льва Ивановича, к сожалению, нет и в ближайшую неделю не будет, поскольку он вызван в Москву на совещание. Алёна положила трубку и возблагодарила своего ангела-хранителя, который в трудную минуту явился к ней на помощь, приняв облик бабули в панамке. Как пить дать, если бы не он, ангел (то есть бабуля), замели бы детективщицу и ввергли в застенки до выяснения обстоятельств произошедшего. И когда-а еще ей удалось бы доказать свою непричастность к происшедшему! Вполне возможно, что без помощи Льва Ивановича пришлось бы ей изрядно понервничать. Конечно, потом она могла бы написать роман о том, как, оказавшись в тенетах правосудия, трудно вырваться из них на волю, но, во-первых, романов на эту тему уже написано вагон и маленькая тележка, а писательница Дмитриева не любила проторенных троп, а во-вторых, она предпочитала менее... ну, скажем так – менее удручающие своим жизненным правдоподобием темы.

С этой мыслью – о том, как хорошо, что ангел-хранитель не гнушается иной раз принять бабушкин облик, Алёна спокойно легла спать, а между тем успокоилась она рано...

Прошло дня два, а может, три, заполненные исключительно заботами о восстановлении несравненной красоты, и вот последние следы опухоли исчезли с Алёниного лица, и она немедленно отправила Дракончегу радостную эсэмэску с призывом явиться на свидание и наверстать упущенное. Дракончег с готовностью согласился. Алёна мечтательно улыбалась, читая его сообщение, и подумала, что не все так плохо в жизни, как вдруг раздался звонок городского телефона. Она сняла трубку – и улыбка слиняла с ее лица, потому что звонили, как выяснилось, из районного отделения милиции. Следователь по фамилии Афанасьев (Виктор Валентинович, было также добавлено) извинялся за беспокойство и просил зайти к нему для беседы, целью которой было выяснения некоторых обстоятельств касательно происшествия, имевшего место быть с гражданином Коржаковым Сергеем Николаевичем.

Алёна снова развеселилась. Она в жизни не общалась со следователем, который говорил бы – «касательно происшествия, имевшего место быть».

– Вы очень любезны, милостивый государь, – ответила она, стараясь соответствовать предложенному лексическому ряду. – Я польщена, ей-богу, вашим звонком. Прежде, насколько я припоминаю, присылали на дом повестки...

– Ежели желаете, – последовал ответ, и Алёна живо вообразила себе невысокого лысого господина неопределенного возраста, который от вежливости пошевеливает пальцами, как было сказано в одном забавном фантастическом романе, – непременно пришем. Только дело неотложное, а почта сами знаете как работает. Поэтому, если вас не затруднит, Елена Дмитриевна, не откажите в любезности... когда вам будет удобно явиться?

Нет, ну отказать человеку, который выражается на таком диалекте (вы ведь не станете спорить, что в наше время вежливая литературная речь сделалась анахронизмом и уникалом и в самом деле перешла в разряд не столько нормативной, сколько диалектной лексики?), наша пуристка русского языка просто не могла. В конце концов, написание очередного детектива можно и отложить на часок-другой.

– Да хоть сейчас, – благосклонно сказала Алёна. – У меня более или менее свободный день.

– Отлично, – обрадовался Афанасьев, – тогда жду вас в течение часа. Как приедете в отделение, позвоните снизу по служебному 3-99, я скажу дежурному, чтобы вас пропустили.

«Интересно, – думала Алёна, собираясь, – почему он сказал – когда приедете? Наверное, уверен, что я, как все приличные люди, шагу без машины не сделаю? – Несомненно, это выражение впервые вводилось в оборот нашей пуристкой русского языка... – Ну так он ошибся. Я в отделение не приеду, а приду. Во-первых, машины у меня нет, не было и не будет, а во-вторых, тут идти-то минут двадцать, лучше прогуляюсь, чем в маршрутке толкаться».

И Алёна пошла пешком, чем ужасно разозлила людей, которые сидели в некоем автомобиле и следили за ней. Если кто-нибудь профессионально занимался слежкой, тот знает, как трудно «вести» пешехода, сидя в автомобиле. Дороги забиты, то пробки, то светофоры, приходится ползти, когда надо спешить, или мчаться, когда следовало бы медлить. Объект идет себе и идет, в ус не дую, он вообще может свернуть в проходной двор... Алёна Дмитриева так и поступила, между прочим, у нее вообще была такая слабость – сокращать путь через проходные дворы, – и преследователи ее непременно потеряли бы, не будь они почти на восемьдесят процентов убеждены, что она идет именно в райотдел милиции. Поэтому, когда Алёна исчезла из поля их зрения, они просто-напросто пересекли Советскую площадь, обосновались около красного кирпичного здания на улице Малиновского – и вскоре увидели, как высокая дама в узких серых брючках и желтой кружевной блузке поднимается по ступенькам.

– Что и требовалось доказать, – кивнул водитель, с уважением глядя на себя в зеркало, потому что именно ему принадлежала идея ждать объект у отделения милиции. Это наводит на некоторые размышления, например, на те, что у преследователей был в отделении свой человек. Но это ошибка, своего человека в отделении у них не было, просто они...

Но не будем забегать вперед, а вернемся лучше к Алёне, которая в это время вошла в отделение, набрала по внутреннему телефону номер 3-99 и получила доступ к следователю Афанасьеву Виктору Валентиновичу.

И тут на нее валом повалились сюрпризы. Ну, вообще-то это гипербола: сюрпризов на самом деле было только два. Один – так себе, безобидненький, даже забавный. Он состоял в том, что следователь Афанасьев оказался отнюдь не низеньким лысоватым господином неопределенного возраста – это был *высокий* и очень, ну просто до невероятности худой брюнет лет двадцати трех, а то и меньше, – похоже, только что выпущенный из школы МВД. Выражался он и вживе столь же округло, как и по телефону, и вообще – производил впечатление начитанного, благовоспитанного мальчика из «хорошей семьи». Легко было вообразить, как этими длинными тонкими пальцами, которыми он сейчас перебирал бумаги, он извлекает из клавиш фортепьяно Первый концерт Чайковского или, на худой конец, пощипывает гитарные струны, готовясь спеть «Утро туманное, утро седое» – и никаких бардовских песенок, боже сохрани!

От робости запинаясь, поминутно извиняясь и поглядывая на Алёну с плохо скрываемым восхищением, Афанасьев сообщил (и это оказалось вторым сюрпризом, куда менее забавным!), что причиной, заставившей его побеспокоить столь высокую особу, стало заявление некоей гражданки, которая сообщила, что была свидетельницей печального происшествия на углу улицы Ошарской и Октябрьской, а именно – убийства хозяина машины марки «Газель», и от потрясения и нервного расстройства (эти слова Афанасьев, читавший заявление, почему-то выделил голосом, словно курсивом) сообщила милиции неверные сведения. Она показала,

будто особа по фамилии Ярушкина Е.Д. не сходила со своего места и все время стояла около кузова, пряжкой тента от коего был разбит ее, Ярушкиной, нос. Однако по истечении времени придя в себя и припомнив кое-какие подробности, свидетельница ужаснулась своей безответственности и решила изменить сведения, данные ею прежде. Гражданка Ярушкина ведь сходила, сходила-таки со своего места, приближалась к окну водителя и угрожала ему расправой, и вскоре после той угрозы водитель скончался... нет, конечно, свидетельница не обвиняет гражданку Ярушкину в убийстве, но... но с места она сходила-таки!

– Какая чушь, – хладнокровно произнесла гражданка Ярушкина. – Ну просто чушайшая чушь! Кто такую ерунду мог написать?!

– На этот вопрос, – задумчиво сообщил Афанасьев, – я вам ответить не могу, поскольку сие есть тайна следствия.

– Да я и сама знаю, – фыркнула Алёна. – Велика тайна! Это бабулька одна написала, в белой панамке, правда же? Сердце старушкино склонно к измене и к перемене, как ветер мая!

Следователь Афанасьев с любопытством посмотрел в лежавший перед ним листок. Наверное, он проверял, не изложены ли там приметы свидетельницы. Наверняка их там не было, и он успокоился, тем более что листок лежал вверх ногами и Алёна не смогла бы прочесть ни адреса, ни имени-отчества-фамилии зловредной свидетельницы.

А между прочим, он зря успокоился, потому что Алёна виртуозно умела читать верх ногами.

Наверное, это прозвучит странно, но она научилась этому специально. Когда была еще девочкой, прочитала книжку, на всю жизнь ставшую одной из любимых: Харпер Ли, «Убить пересмешника». Главная героиня, Глазастик, умела читать вверх ногами: наловчилась, когда учился читать – нормально! – ее брат Джим. Книжка-то лежала перед ней перевернутая, вот она и запоминала буквы и складывала их в слова вверх тормашками. Алёна (ее звали в те времена Лена Володина) тогда болела. От нечего делать она начала учиться читать перевернутую книгу, а потом и свои школьные тетрадки. Навык подзабылся со временем, но сохранился, так что она вполне могла разобрать и рукописный текст, и разборчиво набранное на компьютере и отпечатанное на принтере свидетельство Луниной Клары Ивановны, проживающей по улице Ошарской, дом 4, квартира 2. Правда, подписан он был от руки, но подпись Алёну не слишком интересовала. Главное – адрес!

Точно, это была та самая старушка в панамке. Клара Ивановна, значит! Клара украла у Карла кораллы... или наоборот? Ну и кто украл что-то у Клары Ивановны Луниной, с чего она так разошлась? Алёна смутно припомнила, что название улицы Ошарской прозвучало, когда бабка давала свой адрес приехавшей оперативной группе. Что ж с ней такое приключилось, с этой старой заразой, почему она, еще три дня назад защищавшая Алёну Дмитриеву, вдруг подводит ее под монастырь?! Неужели... неужели ей мало было словесной благодарности? Неужели она, услышав разговор милиционеров – мол, писательница и все такое, решила, что перед ней миллионерша, которая не пожалеет за свое алиби изрядной суммы? Может, она ждала тысяч, ну, хотя бы сотен, а Алёне и в голову не пришло предложить ей даже червонца.

Нет, правда – даже на ум не взбрело. Потому что она сама в жизни не потребовала бы с кого-то деньги за такое. Разве благородство стоит денег? Оно бесценно!

А впрочем, ей легко рассуждать, она-то не бедствует, а какова жизнь обычной пенсионерки, этой гражданки Луниной? Пенсия у людей такая, что дураку понятно: она дается для того, чтобы пожилые и старые побыстрее вымерли, а государство отмазалось: мол, мы им деньги давали, они сами жить не захотели. Нет, точно, старушка ждала от Алёны денег, не дождалась и решила отомстить.

И что теперь делать? Найти ее и предложить взять назад свое лжесвидетельство, дав в обмен кругленькую сумму?

Да никогда в жизни, тут же мрачно сказала себе Алёна Дмитриева. Ни-ког-да! Уж лучше в тюрьму, чем в эти игры играть!

«Лучше? Серьезно? – тут же спросила она себя и ответила: – Все равно через неделю вернется Муравьев и вытащит меня из этой истории. А впрочем, может, меня никто еще и не посадит в тюрьму-то. Может, удастся убедить этого Афанасьева...»

– Так что будем делать, Елена Дмитриевна? – раздался голос «этого Афанасьева». – По всему выходит, что у вас имелась реальная возможность прикончить несчастного Коржакова.

– Да это сказка про белого бычка, – устало вздохнула Алёна. – Как говорят в Одессе, опять за рыбу гроши! Скажите мне, отчего он все же умер, этот Коржаков?

– Не могу сказать, – у Афанасьева сделалось замкнутое выражение лица, – во-первых, еще нет данных экспертизы, во-вторых, это тайна следствия.

– Ишь ты, сколько у него тайн, у этого следствия! – мрачно ухмыльнулась Алёна. – Ну что ж, одной больше, одной меньше – дела не меняет. Вот еще одна тайна: почему бабка врет? Зачем она изменила показания? Ну что за чушь – угрызения совести? Хороша у нее совесть – невинного человека под монастырь подвести! Во-первых, я НЕ сходила с места. Во-вторых – ну каким, каким образом я могла убить вашего Коржакова, не имея оружия? Пистолет отпадает в четверть-финале – я помню, как ваш коллега сказал, что огнестрельных ранений у умершего не было. Финку, булатный вострый ножичек я в лифчике не прятала – себе дороже, так порежешься, что никакая пластика не поможет. Да и не тот у меня, извините, размер округлостей, чтобы в моих лифчиках финка могла поместиться, тут как минимум шестой номер нужно носить, а у меня, пардоньте за интимные подробности, только второй, правда, изделия некоторых фирм я ношу третий номер, но это сути дела не меняет.

Афанасьев покраснел и торопливо опустил глаза, которые как-то сами собой липли к вышеназванным округлостям. У него от смущения даже уши вспыхнули и сделались прозрачными, словно у зайца, сидящего против солнца. Но наша героиня разозлилась не на шутку, а когда она злилась, то забывала о приличиях и не собиралась никого щадить.

– Впрочем, насколько я помню, ножевых ранений на теле Коржакова тоже не обнаружено, – продолжала она. – Остается яд. Как, каким образом я могла отравить его? Духовую трубку у меня уже искали – не обнаружили-с. Поднести ему чашу с цикутой? Ни чаши, ни цикуты у меня тоже не нашли. Да и шприца с ядом! Ну и как, расскажите мне, каким образом я могла бы убить этого дяденьку? Хоть какую-нибудь правдоподобную версию предложите! А?

– Вообще это подозреваемый должен предоставить доказательства своего алиби, – буркнул уклончиво Афанасьев. – А у вас его нет. Сначала один Смешарин уверял, что вы подходили к кабине, теперь вот еще и свидетельница нашлась, но ведь им никто не *возражает*!

– Как никто? – возмутилась Алёна. – А я что делаю? Я говорю: они врут! Ну, со Смешариным все ясно, у него почти наверняка у самого рыльце в пушку, но Лу...

И тут Алёна осеклась, поняв, что чуть не проговорились. Она теоретически – да и практически тоже! – никак не должна была знать фамилии свидетельницы. Она ее получила в результате, можно сказать, разведывательной операции, о которой Афанасьеву даже заподозрить не следовало. Поэтому наша героиня вывернулась с ловкостью, делавшей честь ее сообразительности:

– ...но лупоглазенькая эта старушка меня просто изумила своей шаткостью и нестойкостью. – Вроде бы она была совсем даже не лупоглазенькая, гражданка Лунина, но ладно, на войне как на войне, в обороне и нападении все средства хороши! – Что уж там ей привиделось и в каком сне, не знаю, почему и зачем она решила меня оговорить... Может быть, вы спросите ее, с чего вдруг она сделала такой обвинительный крен... чуть ли не оверкиль?

– Прошу вас не указывать, как я должен строить свою работу! – внезапно выкрикнул Афанасьев и просто ужасно покраснел.

– Да у меня и в мыслях не было. – Алёна едва не поперхнулась от неожиданности. – Разумеется, вам виднее, молчу, молчу...

Ну, понятно. Бедного Виктора Валентиновича, который в отделении без году неделя, только со школьной скамьи, салажонок, небось учат все, кому не лень. Вот и еще одна училка притащилась, он и обиделся. Лучше и впрямь помолчать.

Хотя нет, подумала Алёна. Как бы обидчивый Афанасьев, просто для самоутверждения, не закатал бы ее в какую-нибудь предвариловку – до выяснения обстоятельств дела. Или он подписку о невыезде возьмет? Не то чтобы Алёна куда-нибудь собиралась, но все же сама мысль об ограничении свободы показалась ей кошмарной и снова заставила ее страшно разозлиться.

– Знаете, что? – сказала Алёна, вставая. – Мне не нравится тот оборот, который принимает наша беседа. Вы ведь пригласили меня именно на беседу, я отлично помню ваши слова! Если это беседа, я могу прервать ее в любой момент, верно? Ну так вот: этот момент настал. Мне пора идти. У меня работа, извините. Всего наилучшего!

И она выскочила из кабинета... чуть не сбив с ног какого-то человека, который шел по коридору.

– Ого! – усмехнулся тот, сторонясь. – Спасаетесь бегством, что ли?

Алёна оценила юмор.

– Вроде того, – буркнула она, размышляя, что ей делать, если Афанасьев кинется вслед с криком: «Держи, лови!», – а этот высокий брюнет ее схватит.

Брюнет был очень ничего себе, зеленоглазый такой, лицо весьма приятное, мужественное и веселое, и в иных обстоятельствах Алёна никак не возражала бы против того, чтобы он ее, м-м, схватил. Но только не сейчас! С двумя этими мужчинами ей не справиться, несмотря на то что она знала парочку приемов, с помощью которых могла бы обрести свободу от очень даже неслабого захвата, но... Во-первых, охранники, не побоимся этого слова, правосудия (что-то подсказывало Алёне, что зеленоглазый принадлежал к их числу, а не просто так зашел в райотдел, по коридорам прогуляться) тоже наверняка знакомы с некоторыми приемчиками, даже еще более хитрыми, так что может завязаться преглупая драка. А во-вторых, это будет откровенное сопротивление силам правопорядка, и после этого даже товарищу Муравьеву будет затруднительно «отмазать» свою знакомую писательницу.

К счастью, Афанасьев – надо полагать, от неслыханной-невиданной наглости подозреваемой Ярушкиной – впал в моральный и физический ступор и не только за дверь не выскочил, но и звука не издал. Поэтому Алёна и зеленоглазый просто обменялись взглядами – и разошлись, как в море пароходы. Зеленоглазый продолжил дрейф по коридору, а Алёна слетела вниз по лестнице и постаралась обрести достойный вид. Еще не хватало вызвать подозрения у дежурного! Поэтому она протащила мимо него ногу за ногу, чуть ли не зевая, и вышла на крыльцо, беззаботная, аки цветочек полевой. И это было мгновенно замечено человеком, считавшим себя убийцей Сергея Коржакова и следившим за писательницей.

«Вышла, – подумал он разочарованно. – А я-то думал...»

Итак, он еще не расстался с мыслью сделать из Алёны Дмитриевой полноценную козу отпущения!

– Ушла в целости и сохранности наша дама, – глядя вслед Алёне, констатировал его напарник (на самом деле бывший убийцей), вышедший было из машины на некоторое время – размять ноги, но теперь быстро вернувшийся к ней. – Иначе и быть не могло. Потому что появились кое-какие новости. Потом расскажу. Интересно, куда она теперь направляется?

– Домой, наверное, куда же еще, – буркнул тот, кто полагал себя убийцей. – Видишь, в тридцать четвертый садится? Доедет до своего «Оперного театра» и потопает домой.

– Видимо, так и будет, – кивнул настоящий убийца. – Тогда поехали. Больше сегодня ничего интересного не произойдет, судя по всему. Мне на работу, да и у тебя дела, братец Кролик.

– Сам ты братец Кролик, – усмехнулся человек, думавший, что он – преступник, завел мотор, и автомобиль покатил в стону центра города. На пути он ловко обогнул тридцать четвертый, где – это было видно сквозь стекло – маячил легкомысленный профиль писательницы Дмитриевой.

А между прочим, граждане, следившие за Алёной, много потеряли. Ведь тридцать четвертая маршрутка в Нижнем Горьком идет не только до «Оперного театра». Она и дальше идет. И писательница Дмитриева именно туда и направилась – дальше. Она проехала свою остановку, сошла только на Варварской, а оттуда, сократив путь проходными дворами, вышла на самое начало улицы Ошарской. Точнее, к дому номер 4, где проживала коварная свидетельница Лунина.

За некоторое время до описываемых событий

После смерти прабабки минуло десять лет. Лерон было уже за двадцать пять. А она – и зеркало уверяло ее в том же! – почти не изменилась, разве что подросла и округлостей прибавилось. Многие – особенно из ведомственного дома отдыха! – тянулись к этим округлостям, только без толку. Лерон и не смотрела на этих богатых, а порой и красивых мужчин. Ведь все они были женаты, а спать с женатым может только... Ужас перед тем будущим, что сулило ей найденное в далекой юности, а потом невесть куда исчезнувшее каменье херь, может, малость и поблек, но только самую малость. Это было как в сказке о Спящей красавице: когда злая фея предсказала новорожденной принцессе, что она в шестнадцатилетнем возрасте уколет палец о веретено и умрет, отец-король немедленно велел сжечь и сломать все веретена в королевстве, чтобы уберечь дочку. Сказку эту Лерон очень любила (естественно, ее все девочки любят!), но ее смех разбирал, стоило представить только, как жили несчастные люди в этом королевстве. Неужто нитки для тканья закупали за границей? Да, можно себе представить, как проклинали короля его подданные! Неудивительно, что одна старушка втихаря решила его ослушаться. С другой стороны, ради любимой дочери каких только глупостей не наделаешь... Тут короля вполне можно понять. Однако совершенно непонятно, зачем, ну зачем надо было так спешить?! Фея же ясно сказала: когда принцессе исполнится шестнадцать лет. То есть до этой поры можно было не беспокоиться, напрямь невероятное количество ниток, а ко дню рождения принцессы со спокойной совестью сжечь веретена. Только уж подойти к делу более ответственно. Обшарить все закоулки дворца, чтобы никакая старая пряжа там не засиделась со своим смертельно опасным для принцессы веретенышком.

А впрочем... Эта сказка именно о том, что от судьбы не уйдешь. Ни от укола веретеном не уйдешь, ни от поцелуя принца!

Но если от судьбы никак не укрыться, значит, судьба Лерон – именно сделаться потаскухой? Рано или поздно она сдастся на уговоры какого-нибудь отдыхающего – и все, покатится в пропасть своей жизни?

Спасение Лерон видела, как и сказочный король, в полной и радикальной перемене образа жизни. Раз – и перестали во всем королевстве прясть! Лерон же понимала, что спасти ее может только замужество.

Но за кого ей выйти замуж? Из друзей детства в деревне почти никого не осталось. А те, что остались, либо никуда не годились, либо давно уже были разобраны подружками. На всех свадьбах Лерон гуляла, от души поздравляла молодых, кричала: «Горько!» – и думала, что, кабы ей пришлось с этим Борькой (Колькой, Санькой, Мишкой и т. д.) целоваться, а потом ложиться в одну постель, зная, что в этой постели всю жизнь пролежишь, ей было бы действительно горько...

– Переборчива ты больно! В девках сидеть тебе! – пророчили ей – кто злорадно, кто сочувственно.

- Ну, знать, сидеть, – покорно кивала Лерон тем и другим.
- Ничего, доченька, суженого конем не объедешь, – успокаивала мама.
- Конечно, не объедешь, – соглашалась Лерон.

Честно говоря, ей было все равно. Девушка не хотела замуж, но, понятно, помалкивала об этом, потому что, пооткровенничав она хоть с кем-то, растеряла бы всех подруг. И без того они, расплывшиеся после родов, дебелие и тяжелые, всё с большей неприязнью оглядывали ее стройную фигуру, и улыбчивое лицо, и вольно выющиеся волосы, и безунывные глаза. И тотчас ревниво, сторожко косились на мужей: а не засматриваются ли те на Лерон дольше, чем следует? Не норовят ли цапнуть ее за коленку или невзначай провести растопыренной ладонью по груди?

– Лерка, тебя надо срочно замуж выдать, пока против тебя вся деревня не ополчилась, – однажды сказала с беспощадной откровенностью подруга Настя. – Хватит жопой перед чужими мужиками крутить. Допрыгаешься: изнасилуют, а потом ворота дерьмом вымажут!

– Но ты же знаешь, Настён, и другие девчонки знают, что мне никто не нужен, – пожалала плечами Лерон. – Никто вообще. Ни ваши мужики, ни какие-то другие.

– Тогда ты – лесбиянка, – проговорила, как в лоб клеймом припечатала, Настя.

– Сама ты лесбиянка! – растерялась Лерон.

Настя разобиделась так, что вся красными пятнами пошла. Ненавидяще уставилась на подругу, мстительно прищурилась – и вылетела из библиотеки, шарахнув дверь.

Посыпалась штукатурка.

Лерон поискала в подсобке метелочку, совок и принялась подметать. Странные люди – эти люди! Главное дело, Настёна первой начала обзывать – и сама же обиделась. По идее, это Лерон должна была обижаться, идти пятнами, мстительно прищуриваться и шарахать дверью о косяк, убегая от злоязычной подруги. Но Лерон не могла себе этого позволить. Она была на работе. Причем не в сельской библиотеке, где вольности прощаются, а в доме отдыха!

Настя, кстати, тоже была на работе. Вообще чуть ли не вся деревня пристроилась в обслугу дома отдыха, благо, штат требовался большой. Кто заделался горничными, кто уборщицами, кто подавальщицами на кухне. Кто пошел в кастелянши, кто в повара, мужчинам тоже дело нашлось в парке, на теплостанции или в гараже. Не дом отдыха, а манна небесная! Ну так вот, Настя работала уборщицей в административном корпусе, где и находилась библиотека. Это Насте следовало взять совок, метелочку и подмести осыпавшуюся штукатурку. Лерон вполне имела право ничего такого не делать, а пойти на рецепшн и доложить, что уборщица Кострыкина, вернее, Мальцева (это Настя в девушках была Кострыкина, а теперь она Мальцева, потому что за Витьку Мальцева замуж вышла) пренебрегает своими обязанностями. И Настю уволили бы. Здесь с этим строго, потому что на место одного изгнанного найдутся трое желающих. И тогда Настя вообще насмерть обидится, и Витька тоже, и половина деревни (родня Витьки и Насти) в самом деле ополчится на Лерон, и однажды утром она проснется от злорадного хохота под окошками и обнаружит, что ворота старого ее дома вымазаны вонючим, может быть, только сегодня извергнутым, дерьмом.

Да-да. Ворота непотребным женщинам или подгулявшим девкам исстари мазали в деревнях вовсе даже не дегтем, как писали господа русские писатели, а именно кончным продуктом! Большое, наверное, удовольствие – их потом отскребать... А слово «деготь» – это так, эвфемизм для защиты нежных читательских чувств.

Но ведь это мазали... или распутным девкам! А Лерон – ни то, ни другое!

И все равно – вымажут, рано или поздно. Запросто! Настя с Витькой, пожалуй, и не станут этого делать, тем паче что Лерон уже почти подмела мусор и не собирается жаловаться на подругу, хоть режьте ее (она навсегда останется благодарна Насте за то, что та придумала ей это чудное прозвище – Лерон, соединив первый слог ненавистного и грубого, похожего на собачью кличку, имени: Лерка – и нелепейшей из фамилий, какая только могла достаться

человеку, тем более деревенской жительнице: Онегина), но другие сельчане, как пить дать, это ей подсудобят! Если еще раз Сенька Словкин принесет ей оранжевых гладиолусов, которыми так гордится его жена Рая... если еще раз Володька Леонтьев притащит и поставит на крыльцо полный пакет свежей рыбы, в то время как его жена Валентина будет в магазине позорить мужика, который знай машет спиннингом на берегу озера, а как уходит с пустым ведром, так и возвращается... если еще раз Серега Сторожевой придет намекать матери Лерон, что забор у них, у Онегиных, совсем покосился, надо бы его поправить, и он, Серега, это с дорогой душой сделает совершенно бесплатно, а его жена Катюха будет громогласно оплакивать поросеночка, которого придавило их собственным невзначай рухнувшим забором, сделать который мужу было сто раз говорено, так ему ж наср..., насс... и начхать на то, что дома делается и что жена говорит...

Вымажут ворота! Опозорят!

Лерон мысленным взором заглядывала в свою печальную грядущую участь, продолжая при этом сметать мусор в совок, как вдруг услышала звук открывающейся двери. Она начала разгибаться, но позади раздался мужской голос, какой-то особенно низкий, как если бы говоривший басил нарочно:

– Нет, стой так!

От изумления Лерон замерла с широко расставленными ногами, в наклон. Замешательство ее длилось какое-то мгновение, но когда она попыталась все же выпрямиться, ее кто-то сильно схватил сзади за бедра и не позволил этого сделать, а еще сильнее пригнул к полу.

– Тебе ж сказали – стой так! – хохотнул бас. – Только брось этот дурацкий совок, метелку брось и давай, задери халат.

Лерон не поверила своим ушам и не выпустила совок и метлу, за что немедленно получила увесистый шлепок по правой ягодице, а потом и по левой. При этом ее продолжали держать, из чего можно было сделать вывод, что мужчин двое: один ее держит, а другой бьет. Слезы хлынули из глаз – было больно, но тотчас Лерон подавилась всхлипыванием, услышав грубое:

– Заткнись, придушу!

И ее хлестнули снова, еще крепче, на сей раз с оттяжкой, по обнажившейся коже: форменный халат обслуживающего персонала, в котором она ходила, уже был закинут на спину, а трикотажные беленькие трусики одним рывком спущены вниз, к коленям.

Глупая надежда, что все это – нелепая шутка, розыгрыш, тупая деревенская забава, мигом исчезла. «Изнасилюют!» – всплыло в памяти пугающее Настино пророчество.

– Жаба у нее, конечно, нетраханая, – пробормотал голос, и Лерон с ужасом ощутила, как ее ощупывает чужая рука. Мягкая такая, вкрадчивая...

Она взвыла, но тотчас получила такой шлепок, что горло свело.

– Молчи, дура, – приказал незнакомец, – а то трахну через жабу ручкой от метлы, на всю жизнь запомнишь, если выживешь!

– Да у нее не только жаба, но и звизда нетраханая, – проговорил другой голос, тоже нарочитый, неестественный, какой-то шипящий.

– Говорят, – скептически отозвался бас. – Да что-то не верится. Наверняка ее кто-нибудь уже заваливал, и не раз.

– А мы сейчас проверим ее на целкость, – прошипел второй, и колючий палец полез Лерон в самое тайное ее местечко.

– Погоди, а вдруг и правда девочка она? Зачем пальцем буравить, поганиться, лучше старым дедовским способом, – пробурчал бас. – Только давай ты начинай, что ли, а то я крови терпеть не могу. Брезгаю.

– Ой, а я люблю девок-целок рвать! – обрадовался шепелявый. – Погоди, штаны расстегну.

– Не надо! Не трогайте меня! – заливаясь слезами, простонала Лерон. – Мне больно, прекратите!

Она изо всех сил стискивала мышцы, пытаясь не пропустить в себя бесцеремонный, наглый палец, такой грубый, жесткий, словно наждаком обернутый. Тоненькие волоски цеплялись за него и больно натягивали кожу.

– Атас! – настороженно прошипел вдруг шепелявый. – Идет кто-то. Слышишь? Смываемся!

В ту же секунду распахнулась дверь, раздался женский вскрик, потом Лерон ощутила сильный пинок в спину и полетела головой вперед в угол. Вслед за тем она услышала удаляющийся топот и снова женский голос:

– Что все это значит?! А ну, вставай!

Лерон, задыхаясь от рыданий, кое-как повернулась на коленях, одернула задранный халат и попыталась встать, но запуталась в трусиках, обвившихся вокруг ног, и чуть не упала снова.

Она ничего не могла разглядеть от слез, лишь какой-то смутный силуэт. Резко отерла лицо и сквозь муть кровавую, плывшую в глазах от боли и ужаса, тупо уставилась на высокую незнакомую женщину.

– Боже ты мой! – потрясенно проговорила та. – Тебя насиловали, что ли?! А я вошла, думаю, вот уроды деревенские, групповуху вздумали устроить! А тут такое...

– Они... хотели... – едва смогла выговорить Лерон. – Вы... если бы не вы...

Она вдруг мигом, словно ее пронзило насквозь, представила себе эту картину: как она валялась бы здесь, в библиотеке, на полу, окровавленная, истерзанная, опозоренная, и кто-нибудь вошел бы, и увидел... и вся деревня узнала бы... и разве ее кто-нибудь пожалел бы?! Злорадствовали бы, насмехались: «Говорили ей, не верти жопой! Вот и довертелась! Допрыгалась! Чего хотела, то и получила!» Ну и кто-нибудь уже с готовностью кинулся бы за зловонным ведром...

У Лерон замерло сердце и губы онемели. В нерассуждающем припадке ужаса она упала лбом в пол, забилась и завывала:

– Не говорите... ради всего святого... никому не говорите, что тут видели! Умоляю вас! Хотите, руки поцелую! Умоляю!

Женщина схватила Лерон за плечи и приподняла сильным рывком.

– Нашла еще забаву – руки целовать, дура, – проворчала грубо. – Приведи себя в порядок, ну?! Будешь реветь так громко, как раз народ и сбежится. В том кране есть вода? Ну, давай, умывайся, живо!

И она подтолкнула Лерон к раковине, открыла воду, нагнула девушку к струе, а сама быстро подняла на ее бедра упавшие трусики и одернула халат.

Лерон принялась плескать в лицо воду, бормоча:

– Не говорите, не говорите никому! Умоляю! Я покончу с собой, если...

– Я тебе покончу! – грозно сказала женщина. – На, возьми полотенце, утрись.

Лерон кое-как размазала по лицу воду, смешанную со слезами, и обернулась.

– Хорошо еще, что ты не красишься, – усмехнулась женщина. – А то черные слезы текли бы. А вообще такую мордашку, как у тебя, даже слезы не испортят. Хорошо быть молоденькой. А я если плачу, то потом веки пальцами раздвигать приходится, да и физиономия вся пятнистая, как у леопарда. Жуть!

Лерон смотрела на спасительницу, растерянно хлопая глазами.

Женщина была очень высокая и очень худая. Бог не обидел Лерон ростом, в классе она всегда на физкультуре стояла за самым высоким мальчишкой класса, Витькой Викторовым, но этой даме даже Витка был бы по плечо. Нет, определенно, у Лерон от потрясения что-то с головой сделалось, на самом-то деле женщина не выше ее самой, просто на ней босоножки на толстенной платформе! Как она только ухитряется двигаться на этой трехслойной высоте?

На вид ей было лет сорок. Сухое смуглое лицо, накрашенные ресницы, а другой косметики или нет, или ее просто не видно, только на губах мягкий перламутровый блеск. Но само лицо отнюдь не мягкое: резкие черты, высокие скулы и сильный подбородок, вдобавок жесткое, насмешливое выражение. Тонкие брови изогнуты ироничными дугами. Не поймешь, то ли красива, то ли нет, да еще эти волосы, вернее, почти полное их отсутствие! Слева забрана за ухо мягкая, длинная, волнистая каштановая прядь, и это всё – остальное подстрижено почти наголо. Этаким ежик каштаново-седой. Ничего подобного этой прическе Лерон никогда не видела.

Она таращилась во все глаза на свою спасительницу, на ее худые прямые плечи, с которых небрежно свисало просторное – просто два лоскута ткани, чуть скрепленные сверху и с боков, перехваченные тяжелым кожаным поясом, изумрудно-зеленое платье. Грубоватая небрежность и утонченная женственность удивительным образом сочетались в облике незнакомки, и Лерон вдруг поняла, каким словом ее можно определить: стильная. В ней было стильно все, от небрежного, незаметного макияжа – до чрезмерно крупных перстней (ни серег, ни ожерелий, ни каких-то пошлых цепочек она не носила) и этого вызывающе-грубого пояса, и часы были стильные – большие, серебряные, очень тяжелые, на тонком запястье, и черная кожаная браслетка, сомкнувшаяся вокруг тонкой щиколотки.

Под взглядом Лерон женщина вдруг зябко поежилась, и стало видно, как под тонким шелком платья проступили крупные соски. Бюст у нее был что надо, несмотря на худобу. «Она даже лифчика не носит! – изумилась Лерон. – Вот это да! Наверняка из самой Москвы приехала! Там ведь все такие... Раскованные!»

И тут же она спохватилась, вспомнила о том, что произошло, и содрогнулась так, что даже покачнулась. Думает о какой-то ерунде, а надо ведь... Надо тайну обеспечить!

– Поклянись, что никому не расскажете! – взмолилась Лерон. – Никому на свете!

– Пожалуйста, если ты так хочешь, – пожала плечами женщина. – Хотя этим сволочам самое место в тюремной камере. Мужчины бывают подлы просто до изумления! Клянусь, я с удовольствием отправила бы их за решетку, но не смогу ни узнать, ни даже описать их толком: видела только со спины, и они вон в ту дверь сбежали мгновенно. – Она кивнула на боковую дверь, ведущую на лестницу.

У библиотеки было два входа, один из холла второго этажа, другой с боковой лестницы. Этой дверью почти не пользовались. Однако если в библиотеку приходил кто-то из obsługi, они всегда шли именно оттуда... Значит, эти двое были свои. Деревенские! Ведь в обслуживании работали только деревенские.

Да, в общем-то, Лерон в этом почти не сомневалась.

Всё. Началось то, что напророчила Настя!

Она снова всхлипнула, прижала ладони к лицу, и в это мгновение дверь из холла распахнулась и на пороге возник невысокий, но ладный и крепкий молодой человек в белом легком костюме.

– А, вот ты где, – сказал он, с упреком глядя на женщину. – Ну что ты застряла тут, скажи на милость? Мы же собрались в деревню съездить, в магазин.

– Сейчас, сейчас, – отозвалась женщина, улыбаясь. – Сейчас, мой хороший. Я тут... на минуточку... решила спросить, есть ли у них что-нибудь Уэльбека.

Лерон моргнула.

Имя ей было знакомо... вроде бы читала в «Книжном обозрении» про Уэльбека, но книг его в библиотеке точно не было.

– Ну и что? Есть? – спросил молодой человек, поворачиваясь к Лерон, – и вдруг лицо его стало изумленным: – Лерка?! Нет, правда ты?! Не узнать!

– А я тебя сразу узнала, – криво улыбнулась Лерон, продолжая одергивать халатик. – Меня с пятого класса никто Леркой не зовет, только ты. Привет, Мишка, решил навестить историческую родину?

– Его теперь тоже никто Мишкой не зовет, – вмешалась женщина. – Микка он теперь. У него был приятель – финн, вот с его легкой руки Миша и стал Миккой. Забавно, правда? Но ему, по-моему, идет. А тебе твое имя тоже идет. Лерон... Очень изысканно. Очень загадочно. И очень эклектично в сочетании с окружающей реальностью! С таким именем нужно жить в городе, в роскошной квартире, вернее, в студии. Минимум мебели, но все очень дорогое, модерн. Может быть, в японском стиле. Сочетание зеленого, коричневого и тона беж. Огромный встроенный телевизор, тахта, овальный стол, большой пуф, обязательно большой аквариум, тоже встроенный... – Женщина говорила, вприщур глядя на Лерон, словно мерку с нее снимала. – Никаких шкафов, только купе с матовой дверью. Вообще все двери раздвижные, тоже матовые, беж... нет, беж с зелеными геометрическими фигурами. Кроме рыбок – афганская борзая, непременно. Эта порода теперь не в моде, но тебе пойдет... такая же утонченная, как ты... ой, извините, я, как всегда... – Она махнула рукой, сконфуженно усмехнулась. – Я дизайном, понимаете, увлекаюсь, ну и не могу удержаться, чтобы не проектировать жилище каждого человека.

– Лерка, познакомься, это жена моего отца, – сказал Мишка, вернее, Микка. – Ты, может, знаешь... слышала, может...

С Мишкой Шестаковым Лерон выросла на одной улице. Он был на три года старше. Мишка был еще совсем малыш, когда у него умерла мать: умерла, родив еще одного сына, Шурку. Отец их, оставшийся вдовцом, работал инструктором в райкоме партии, вечно был в разъездах, так что воспитывала детей бабушка. Однако вскоре Шестакова перевели в Нижний Горький, и лет через пять он женился на дочери какого-то очень большого начальника. Конечно, тогда Лера была еще слишком мала, эти слухи дошли до нее потом, гораздо позже. Бабушка Мишкина люто невзлюбила невестку, но делать было нечего. Пришлось смириться с женитьбой сына, пришлось отправить в город младшего внука. Мишка остался жить с бабушкой и успел даже проучиться до пятого класса в сельской школе. А потом бабушка умерла. Из города приехал Шестаков и забрал сына. И с тех пор Лера его не видела... А между тем узнала с первого взгляда! И он ее тоже.

– Меня зовут Ларисса, – сказала женщина. – Да, вот так, с двумя «с» и без отчества. Мы с Миккой в отличных отношениях, правда, мальчик? Я никогда не пыталась изображать его суровую мамашу. Это смешно по отношению к подростку, каким он был, когда мы впервые встретились. С Шуриком все было иначе... Он вырос на моих руках...

Она горестно вздохнула.

Лерон сочувственно поглядывала на них исподлобья. Она знала, что отец Микки разбился на автомобиле, когда вез на дачу младшего сына. Оба погибли. Это случилось, лет десять тому назад, и с тех пор Микка жил у мачехи.

Неужели он до сих пор не женат? Или где-нибудь здесь, в просторном номере (может быть, даже в «люксе»!), его ждет блондинка с ногами от ушей?

От этой мысли у Лерон почему-то испортилось настроение. Она сама блондинка, и ноги у нее, может, еще длиннее, чем если от ушей мерить... А между тем ее участь – грубые деревенские мужики, а не этот красивый парень в белом костюме. Ее участь – Мишка, а не Микка!

Захотелось уйти, но было неудобно. То есть Микки она не постеснялась бы, конечно: подумаешь, бывший сосед, бывший одноклассник. Но Ларисса ей чуть ли не жизнь спасла, с ней надо быть вежливой.

А если так, нужно о чем-то заговорить. Лерон призадумалась, сочиняя корректную фразу. О чем бы это спросить?

На самом деле хотелось спросить, неужели такая мода в городе: носить на щиколотках кожные браслетки?

– Вы с родителями живете? – проговорила вдруг Ларисса, и Лерон радостно встрепенулась:

– Да. Приходите к нам в гости, а? На вареники. Я люблю вареники с творогом. И со смородиной тоже. Просто обожаю. И у меня такие вкусные получаются, ум отъешь! Смородины еще нету, но творог...

– Погодите, – сказала Ларисса, чуть нахмурившись. – Как же это можно сделать – вареники со смородиной? Они же кислые будут. И расклеются. И слипнутся потом, после варки! Или нужно много масла, чтобы их смазывать?

– Кислые? – удивилась Лерон. – А сахар на что? Сахару побольше в ягоду. И еще в начинку надо добавить чайную ложку крахмала. Тогда вареники не расклеются. А чтобы не слипались, их нужно поливать не маслом, а медовой водичкой. И есть со сметаной, а лучше – с холодным молоком. Эх, жаль, еще не время для смородины!

– Так, – сказала Ларисса деловито. – Я сейчас пошлю шофера в райцентр, там есть «Спар», а в «Спаре» всегда есть мороженная смородина. Сделаете нам вареники?

– Конечно. А вы в самом деле придете к нам в гости? – обрадовалась Лерон.

– Обязательно, – энергично кивнула Ларисса. – Ведь есть такой обычай, да?

– Какой? – непонимающе нахмурилась Лерон.

– Прийти к невесте в гости, чтобы проверить, какая она хозяйка, как готовит.

– К какой невесте? – растерянно улыбнулась Лерон. – Кто невеста? Чья?

– Понимаешь, Лерон, мы приехали сюда, чтобы найти Микке жену. Именно в деревне найти. Городские девчонки теперь все какие-то ненормальные, – пояснила Ларисса так спокойно, словно речь шла о какой-то сущей ерунде, ну, вроде того, что они приехали в деревню, желая купить Микке костюм в сельпо, потому что в городских магазинах не было подходящего размера. – Ну и нашли, кажется. Правильно, Микка?

– А то! – хмыкнул Микка. – Лерка, пойдешь за меня замуж?

Она молчала – недоверчиво таращила глаза, слабо улыбалась.

– Соглашайся, – тихонько взяла ее за руку Ларисса. – А я прослежу, чтобы отныне он никогда не называл тебя Леркой. Договорились?

– Она не согласится, – нахмурился Микка, и ухмылка сошла с его лица.

– Я уже согласилась, – неожиданно для самой себя пробормотала Лерон и тут же испугалась, спохватилась... а впрочем, это, конечно, шутка. Ведь не может быть вот так, ни с того ни с сего...

– И это будет самое быстрое сватовство в мире, – задумчиво сказала Ларисса, и Лерон смятенно подумала: «А ведь это, кажется, не шутка!»

* * *

Так, Ошарская, 4, квартира 2... да в нем всего две квартиры, в этом домике, который, очень может быть, помнит еще начало прошлого века, а то и конец позапрошлого. Как он выжил, этот дом, ведь совершенно в землю ушел, словно старый гриб, который уже растет не вверх, а вниз. Конечно, в нем нет удобств, конечно, полы перекошены, потолки тоже, вообще такое ощущение, что он скоро рухнет, и люди в нем живут наверняка с неустойчивой жизненной позицией. Сегодня, понимаешь, одно говорят, завтра – другое... Ну, Алёна сейчас выяснит с гражданкой Луниной отношения – и так, что бабушке в панамке мало не покажется!

Алёна постояла около раритетной калитки в раритетном же заборе, подергала за ржавую ручку, не сразу сообразив, как открыть. Оказалось, надо отодвинуть фанерку чуть выше

ручки, просунуть туда руку и поднять внутренний крюк. Хитро, ничего не скажешь. Гарантия безопасности!

Крюк оказался тоже ржавый, и Алёне пришлось ополоснуть руки в бочке с дождевой водой, преграждавшей путь к крыльцу. Вытерев ладони о лопухи, притулившись к бочке, она вдруг ощутила, что злость ее непостижимым образом испарилась. Не осталось даже элементарного боевого задора. Неужели у дождевой воды и лопухов были какие-то особенные свойства – успокоительно-примирительные и всепрощающие? Честное слово, Алёне захотелось плюнуть на все показания на свете и просто посидеть на этом покосившемся крыльце – щелястом, покрытом плетеным из тряпочек половиком. Тряпочки когда-то были, наверное, яркие и разноцветные, но теперь все вылиняло до однообразного бледно-сине-розового состояния и из-за этого казались еще более уютными.

Честно сказать, ничего, кроме как сидеть на крылечке, Алёне делать не оставалось, потому что на двери с огромной белой цифрой два висел замок – тоже из далекого прошлого, как и сам этот дом, и крыльцо, и половики, и бочка с дождевой водой.

Итак, бабульки дома нету. Куда ж она подевалась?

– В сад она отъехала, в сад! – ответил надтреснутый голос, и у Алёны похолодела спина от мысли, что ей отвечает сам дом.

Впрочем, только такая фантастка-невропатка, как она, могла дочухаться до этой догадки, потому что нормальный человек мигом сообразил бы, что голос принадлежит старушке, стоявшей на соседнем крыльце. Нет, ну в самом деле, если бы заговорил дом, он уж как-нибудь изъяснялся бы стариковским, а не старушечьим голосом, потому что он, дом, – мужского все же рода!

– Тому дня три, как уехала.

Алёна вскинула брови. Получалось, свидетельница Лунина написала заявление на писательницу Дмитриеву – и быстренько смылась, опасаясь мести... вышеизложенной писательницы.

Алёна хихикнула и тут же приняла серьезный вид, однако старушка на ее вид внимания никакого не обращала. Такое впечатление, что ей охота было с кем-нибудь ласы поточить, а с кем и по какому поводу – все равно. Может быть, подумала Алёна, исподтишка разглядывая ее линялое платье и линялый же платочек, это на самом деле и не старушка вовсе, а такой же тряпичный половичок, лежавший на крылечке Луниной? Надоело ему лежать молчком, дай, думаю, обращусь в человека, разомнусь малость, а заодно сообщу госте что-нибудь интересенькое...

Оно, конечно, половичок тоже был мужского рода, и ему следовало бы обернуться старичком, но, может статься, на соседнем крыльце лежала дорожка, оттого старушка из нее и произошла? Словоохотливая такая старушка-дорожка!

– Собралась, главное дело, так внезапно, будто с печки упала. Как пришла к ней эта высокая, в красном, так и схватилась Клара Ивановна собираться: ты, говорит, Варвара Никитична, не скучай, мне в сад надобно. Ну и поехала, садоводка, значит, наша!

Итак, старушку-«дорожку» звали Варварой Никитичной. Но это было далеко не самой ценной информацией, которую она выболтала. Лунина уехала в сад – на дачу, стало быть, – после визита какой-то «высокой в красном». Что-то забрезжило в памяти Алёны при этих словах, но она еще не могла разобрать, что именно, а потому уточнила:

– Эта высокая в красном – она какая была? Молодая? Пожилая? А выглядела как?

– А не могу сказать! – развела руками Варвара Никитична. – Не разобрала я. Мельком видела ее, это раз, а главное дело, она в такой блузке была, что за ней ничего не видать. Вся вот... вот... – Она повела вокруг своего тощенького стана бледными руками, порытыми старческими веснушками. – Вроде и ничего в ней особого нет, а зафуфыристая до ошеломления, по глазам так и бьет. Я хоть и старая уж, а и то стала – руки врозь: ну и блузка, думаю, с

ума сойти можно! Нынче пошла на Покровку в «Дирижабль», гляжу – Матушка-заступница, а такая ж блузка в витрине стоит в этом, как его... ботике, значит... утром видела... как же его зовут-то, ботик этот...

Старушка вся скукожилась, пытаюсь вспомнить, а Алёну в это мгновение настигло просветление, и она вспомнила, где видела «зафуфыристую до ошеломления» красную блузку. Вернее, алую.

Высокая женщина в алой блузке прошла мимо злополучной «Газели», у которой стояла Алёна Дмитриева, зажавшая в горсти свой разбитый нос, – прошла, не обратив на писательницу ни малейшего внимания. Строго говоря, Алёна на нее тоже не взглянула – не до того было, само собой! Зато невероятно алая блузка запомнилась. Потом женщина в такой же блузке навестила Лунину, после чего та отбыла в сад, написав злокозненное заявление на Алёну Дмитриеву и подведя ее очень сильно под монастырь. А что, если...

Глупости, конечно, это глупости, но напрашивается некая связь между двумя высокими красноблужочными женщинами. А что, если та, которую видела Алёна возле «Газели», – убийца или пособница преступника? Наверное, она далеко не ушла, наверное, следила за развитием событий, поняла, что появился шанс свалить вину на другого, вернее, на другую, крепко запутав следствие и отведя от себя подозрения. Ну, если ее саму или ее сообщника могли заподозрить, значит, они каким-то образом были связаны с этим Сергеем Коржаковым. Каким? Вряд ли у Алёны есть шанс легко и просто об этом узнать. Но она вполне может пойти и посмотреть на ее блузку в витрине некоего «ботика»... на мгновение блестящий шлягер всех времен и народов: «Ну что ж вы ботик потопили, гады?!» вспомнился ей, и Алёна еле сдержалась, чтобы нервно не расхохотаться.

– Шалун! – внезапно воскликнула «дорожка» Варвара Никитична. – Ну конечно, ботик называется «Шалун»!

Совершенно верно, встрепенулась Алёна, был на Покровке бутик женской одежды под названием «Шалон»... что это означает, Алёна знать не знала и ведать не ведала, да и не сильно хотела – прежде всего потому, что товарец там был выставлен не про ее кошелек и даже не про ее банковскую карту. Но посмотреть-то на этот товар бесплатно можно или нет? С пользой для дела? Ведь в магазины такого уровня, как правило, вещи привозят в количестве считаном. Ну, две от силы алых блузки может там оказаться! Одна на витрине, другая... другая продана загадочной даме. И наверняка продавщица или хозяйка вспомнят, кто именно ее купил. Конечно, они могут не захотеть об этом говорить, но Алёна решила не настраивать себя на неудачу, а решать проблемы по мере их поступления. Первым делом найти бутик и поглядеть на блузку в его витрине. Потом – все прочее.

Нет, первым делом надо поблагодарить Варвару Никитичну. Может быть, даже заплатить ей, чтобы не вышло так же, как с Луниной... или она обидится? Алёна нерешительно раскрыла сумку, оглянулась – да так и замерла.

На соседнем крыльце никого не было. Наверное, Варвара Никитична вернулась в дом... может, там телефон зазвонил или еще что... странно, почему же Алёна не видела, как она ушла? А вдруг...

Че-пу-ха!

Алёна спустилась во двор и просто-таки физически заставила себя остановиться, чтобы не подняться на соседнее крыльцо и не убедиться своими глазами, что старушка не превратилась вновь в дорожку и не лежит на ступеньках – все такая же изрядно вылинявшая и добродушная.

– Чепуха, – пробормотала наша писательница, а потом крикнула погромче: – Спасибо большое! – и ринулась со всех ног за калитку, убеждая себя, что растаявшее в воздухе «Не за что!» ей просто-напросто послышалось.

Через десять минут, после пробежки по Ошарской и Малой Грузинской, Алёна выскочила на Покровку, рядом со старинным зданием госбанка, и рванула еще метров на двадцать вправо вниз, к площади Минина. Так, вот и магазин «Ле Монти», который когда-то давным-давно, лет двадцать тому назад, первым приобщал горьковчан (в ту пору городу еще не было возвращено его исконное имя) к американской шопинговой культуре. Господи боже, какие тут очереди стояли... а теперь – тишина и безлюдье. И в магазинчик, расположенный рядом, в «Шалон», не ломаются покупательницы, несмотря на завлекательную витрину: все полетному нежно-зеленое, словно газончик такой миленький, а посреди пламенеет алая, немислимо-алая блузка, надетая на тощий безликий манекен. У манекена блекло-зеленые волосы, такая же юбчонка – словом, ничто не нарушает общего гармонического диссонанса. На некоторое время Алёна заиклилась было на мысли, оксюморон она сотворила или все же катахрезу, но потом она загнала подальше эти лингвистические помехи и осторожно вошла в «Шалон».

Звякнул колокольчик над дверью, и из-за стойки с платьями выглянула маленькая, тоненькая, миленькая девушка с очень хорошеньким, точеным личиком. Кусочек серебристого шелка был обернут вокруг ее тонкого стана, серебристые босоножки со стразами, бижутерия, шелковистый водопад волос, даже изящный бейджик с милым именем: «Тоня Климова» – все было в стиле, в тон, в масть. Ну что ж, это характеризовало стиль «Шалон» с наилучшей стороны!

Если абстрагироваться от реальности, конечно...

Алёна походила вдоль стендов, ужасаясь ценникам и тщательно это скрывая за восхищенными улыбками. Она искала другую алую блузку, но не нашла. Разумеется, все так, как она и предполагала. Блузок было две, одна еще осталась в магазине, вторая продана загадочной даме. Теперь надо было половчее вызнать, кому именно...

Алёна замерла у окна:

– Какая красота! Я бы хотела примерить эту блузку. Поразительно насыщенный цвет! Какой это размер?

– А у вас какой, сорок шестой? – Продавщица смерила ее опытным взглядом. – Да, размер ваш. Сейчас сниму, минуточку.

Тоня Климова стащила с витрины манекен и принялась его раздевать. Манекен держался индифферентно.

– Сколько блузочка стоит? – спросила Алёна, изо всех сил ему подражая.

– Пятнадцать тысяч рублей, – ответила Тоня и исподтишка взглянула на Алёну, проверяя ее реакцию.

Лицо нашей героини по-прежнему не выражало ничего, кроме искреннего влечения к изделию из алого шелка. Не все ли равно, сколько оно стоит, покупать в этом «ботике» Алёна все равно ничего не собирается.

– А сколько экземпляров той или иной модели к вам приходит? – спросила она как бы между прочим, входя в примерочную. – Вроде бы я видела буквально два дня назад одну даму точь-в-точь в такой же блузке... Не хотелось бы столкнуться с ней лицом к лицу на Покровке. Не припомните, это была ваша постоянная клиентка?

– В такой же блузке? Быть того не может! – решительно воскликнула Тоня Климова. – К нам почти все в единственном экземпляре поступает. А такие экстравагантные вещи – само собой. Нет, вы, наверное, перепутали, это была не наша блузка.

Нет, перепутала не Алёна, которая даму в алой блузке практически не разглядела из-за слез и боли, а Варвара Никитична... Да уж, нашла себе наша героиня консультанта по модным вещам, ничего не скажешь! Ну что ж, простим доброжелательной старушке, она от всей души хотела помочь.

В принципе можно было вернуть блузку – к чему она теперь, но Алёна понимала, что выглядела бы глупо. Поэтому она решила все же примерить вещичку... вообще-то любопыт-

ство разбирало ее, очень хотелось посмотреть на себя в такой одежке. В такой дорогой одежке!.. Красный цвет Алёне, с ее светлыми глазами, радикально не шел, но никто ведь не увидит, верно?

И хорошо, что никто не видел. Мало того что в этом алом сиянии писательницу Дмитриеву было просто не разглядеть, вдобавок блузка оказалась широковата ей в груди и узковата в талии. С грудью ладно, второй номер нашу героиню вполне устраивал, а вот убедиться в том, что у тебя на талии пара сантиметров лишних, – это, конечно, серьезный удар.

– Ну как размерчик, подошел? – послышался вкрадчивый голос продавщицы. – Хотите пройти к большому зеркалу?

– Нет, – буркнула Алёна на оба вопроса, но расшифровку выдала в краткой форме: – Она мне в груди велика.

Торопливо потянула с себя блузку и вдруг замерла: ноздрей ее коснулся незнакомый запах. Духи... интересные духи! Весьма чувственный, хотя и несколько грубоватый аромат. Почему-то ими пахнет от блузки. Это что, аромат ткани? Как бы не так! Пахнет под мышками, пахнет в вырезе, пахнет под воротничком. Блузка надушена. Невозможно так пропитать вещь духами, только однажды примерив ее. Ее кто-то носил, и не один день, вот в чем дело!

– Вообще-то эта вещичка уже ношенная. – Алёна вышла из примерочной с возмущенным видом и сунула продавщице блузку. – Она пахнет какими-то очень тяжелыми духами!

Тоня Климова уткнулась носом в комок алого шелка, потом подозрительно повела ноздрями в сторону Алёны.

– Да, – пробормотала озадаченно, – у вас пристрастия умеренные – «Burberry Brit Red». А это... «Agent Provocateur».

– «Ажан провокатёр»? – повторила Алёна. – Агент-провокатор? Что, серьезно так называются духи?

– Конечно, – кивнула Тоня Климова. – Я раньше работала в «Ланкоме», хорошо в запахах разбираюсь. Тем более аромат очень модный, его все берут, и если он идет даме, и если нет. На духи ведь тоже мода существует. Правда, дамы покупали «Agent Provocateur Maitresse», «Агент провокатёр госпожа», это женский аромат. А здесь мужской парфюм, я слышу. Впрочем, некоторые дамы у нас покупали более дерзкие духи. Говорят, многие смешивают разные запахи, мужские и женские. Конечно, может получиться фантасмагорическое сочетание...

– Не о духах речь, – перебила Алёна. – Меня изумляет, что у вас выставлены и продаются поношенные вещи! А ценник, если присмотреться, заново приколот, не фирменный...

Лицо Тони Климовой сделалась цвета блузки.

– Наверное, – пробормотала она пристыженно, – то есть... может быть, то есть это скорее всего... хозяйка брала блузку для рекламного показа товара. Знаете, бизнес-леди иногда надевают на такие демонстрации модели из своих бутиков, чтобы представить оригинальные коллекции.

– Ага, – глубокомысленно кивнула Алёна, – понимаю теперь, где я уже могла видеть эту блузку. Наверняка на одном из таких показов. – На самом деле она в жизни не была на подобных шоу, но кому это интересно? – А ваша хозяйка – она высокая, с пышной грудью и тонкой талией?

– Нет, ой, нет! – хихикнула Тоня. – Она беленькая, кудрявенькая, розовенькая, полненькая такая, совсем даже не высокая, а насчет талии... – Тоня стыдливо отпустила глаза и умолкла.

Собственно, слова были излишними: гримаска говорила сама за себя.

В эту минуту зазвонил телефон на прилавке, и Тоня отошла, не переставая хитро улыбаться.

Алёна задумчиво смотрела ей вслед. Забавно... Невысокая полная женщина без талии в эту блузку точно не влезла бы. Значит, хозяйка давала ее кому-то другому. Для показа или?..

– Здравствуйте, Наталья Владимировна! – воскликнула тем временем Тоня с такой радостью, что легко можно было угадать, с кем она говорит. – Да, покупатели есть, одна дама. Хотела блузку купить, алую, фирма «Helen Lionele», я ее в витрину выставила, но эта дама почувствовала, что от блузки духами пахнет, я сказала, может, это вы надевали ее на показ моделей... хотя духи вроде не ваши... Может, скидочку дадим, а? Что?

Голос Тони упал, как ртутный столбик при резком похолодании. И до Алёны долетел из трубки громкий, даже пронзительный крик:

– Идиотка! Я же сказала – повесь на стойку среди других вещей! И какая тебе скидочка еще, она же и так под уценку попадает, это же модель из старой коллекции! За каким чертом ты ее сунула в витрину?!

Тоня что-то лепетала, пыталась оправдаться, заглушая хозяйское возмущение. Наконец она положила трубку и повернулась к Алёне. Глаза ее блестели, полные слез.

Алёна торопливо прикрыла любопытство, которым так и загорелось ее лицо, маской глубокого сочувствия. Нет, конечно, она и в самом деле очень сочувствовала Тоне Климовой, тем паче что некоторым образом была виновницей скандала, который закатила продавщице хозяйка.

– Что случилось, Тонечка? – спросила она самым проникновенным на свете голосом. – Суровые законы капитализма в действии?

– Да ну ее в... – Нежное создание в стразах употребило такое утилитарное название некоей части человеческого тела, что у Алёны Дмитриевой, ненавидевшей инвективную лексику, ощутимо завяли уши. – Наехала на меня, главное, что я выдала коммерческую тайну. Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, какая тайна?! У нас в клиентках главная организаторша этого шоу моделей, фиговый листок, так она здесь позавчера, что ли, была, звонила об этом их дурацком шоу на все стороны, Наталью приглашала участвовать, та, конечно, со всех ног туда побежит, ради рекламы бесплатной она зарежется! – В голосе Тони прозвенело отчетливое презрение, но Алёне было не до обуревавших продавщицу чувств, ее интересовало другое.

– Фиговый листок?! – изумленно повторила она. – Это что ж такое?

– Название магазина, конечно, – снисходительно пояснила Тоня. – У нас дамы все, как шпионки, с кличками, – по названиям своих магазинов. Так хозяйка завела, так и пошло.

– Ну, я так понимаю, «Фиговый листок» – это магазин белья? – предположила Алёна.

– Да я не знаю, если честно, – призналась Тоня. – Во-первых, их тут туча хуча ходит, я же говорю, а магазины из рук в руки переходят, названия все время меняются. У меня головы не хватает – все их запомнить! Изощраются дамы почем зря. «Роза Азора»...

– Это цветочный? – перебила Алёна.

– Да нет, это как раз магазин белья, мужского и женского. А «Фиговый листок», я вспомнила, это – пряности.

– Интересно, в чем его хозяйка выступает на показе моделей? – хихикнула Алёна. – Ее продукция вряд ли подойдет.

– Ну, она или у нас одевается для шоу, или в каком-нибудь другом магазине, который хочет себя прорекламировать. Бывает, что все дамы одеты в одном бутике – одежном, в одном – обувном, в одном – аксессуаров.

– Такой магазинный бенефис, – сказала Алёна. – Понимаю! Только странно, что я никаких «Роз Азора» и «Фиговых листков» никогда не улицах не видела.

– А вы бывали в крупных торговых центрах, ну, вроде «Режь, Публика!», «Этажи»? Они там все и расположены.

– Ах да, – кивнула Алёна. – Теперь вспомнила, видела я что-то такое...

На самом деле, нельзя вспомнить то, чего не знаешь. В «Режь, Публика!» и в «Этажах» Алёна не поднималась выше подвальных уровней, где находились очень хорошие продуктовые магазины. Общение с ними ее кошелек выдерживал. Но все эти бутики... Да и ладно, можно и

без бутиков прожить. Вот ей, к примеру, нравилась сеть магазинов женской одежды «Glance». Шьют в Москве, ну и что? Цены по карману, вещи хорошие, дизайн симпатичный, а главное, и платья, и брюки, и блузки сидят на Алёне идеально. А обувь она предпочитала в «Эколесе» покупать. С ее размером, знаете ли, особо не разбежишься, да и подъем у нее высокий, тоже проблема непростая!

– Еще есть «Рыцарь моего сердца», – продолжала, увлекшись, Тоня. – Это магазин перчаток, зонтов, сумок, ремней. «Бонжур» – кофе, чай, разные виды сахара: и коричневый, и тростниковый, и разный-всякий. «Снежный человек» – меховая и кожаная одежда. «Красный шерл» – это...

– Ювелирный, конечно? – предположила Алёна.

– Не совсем. Дорогая бижутерия. «Мур-мур» – сеть бельевых магазинов, главные соперники «Розы Азора». Бельем торгуют и «Лакорида», и «Амор», и «Либида»...

Алёна слушала Тоню, а мысли ее текли в другом направлении. Думала она о хозяйке магазина «Шалон», которая так бурно возмутилась тем, что алая блузка попала в витрину. Возможно, конечно, репутации магазина повредило бы, окажись модель прошлогодней коллекции выставлена среди новых вещей. А может быть, тут дело в другом?

Конечно, нельзя точно утверждать, но что, если Варвара Никитична узнала блузку? Что, если именно в ней приходила к Луниной загадочная дама, после визита которой в милицию попал злобный донос на Алёну Дмитриеву, вернее, гражданку Ярушкину? И если та же дама проходила мимо «Газели», в которой потом оказался труп...

Хотя вряд ли. Слишком уж приметную вещь она на себя надела. Очень уж блузка бросалась в глаза.

Да неужели, возразила самой себе Алёна, ну и что тебе бросилось в глаза, что именно? Блузка, и больше ничего. Только блузку заметила и Варвара Никитична. Вы не знаете ни возраста, ни цвета волос этой женщины, ни черт ее лица не рассмотрели. Вот и вышло, что замаскировалась она весьма хитро. По принципу: под свечой всего темнее. Но решила избавиться от своего «маскхалата», отдав его в тот же бутик, где покупала. Наверное, у нее с этой хозяйкой «Шалона», Натальей Владимировной, очень дружеские отношения. Вполне возможно, что она тоже бывает на этих шоу моделей. И, значит, если познакомиться с мадам «Шалон», можно разведать путь к ее приятельнице. Ближайшая вечеринка бизнес-дам, это самое шоу моделей, – самый удобный способ это сделать. А главное, вечеринка уже послезавтра, долго ждать не придется.

Алёна Дмитриева не отличалась терпением. А ведь говорят мудрецы: поспешишь – людей насмешишь...

За некоторое время до описываемых событий

– Нет, это просто фантастика какая-то! – простонал Микка с тихой яростью и резким движением отер пот со лба.

– Ну что ж тут такого? – ласково сказала Лерон. – Все машины ломаются. Жаль, конечно, что твоя сломалась именно сейчас, но...

– Да какое, на хрен, может быть «но»?! – вскричал Микка. – «Лексус», сломавшийся через месяц после покупки... такого не может быть, потому что не может быть никогда! Не может быть по определению! У него же гарантия! Минимум три года и сто тысяч км пробега! А я его месяц назад купил. Новенький! И он встал. Я ж тебе говорю, это фантастика.

– Может, там засорился бензонасос? – робко предположила Лерон. – Или... коротит?

Не то чтобы она хоть что-то понимала в автомобилях вообще и в бензонасосах в частности. А что там могло закортить, совершенно не представляла. Но она где-то слышала эти

слова, знала, что они имеют отношение к автотранспорту, а сейчас до зарезу надо было что-то сказать, чтобы успокоить мужа.

– Лерон... – устало простонал Микка. – Ты лучше помолчи, ладно? У тебя устарелые представления о жизни. Думаешь, участь водителя – поднять крышку капота и торчать жабой кверху? Или лежать под машиной? На то и дает бог человеку деньги, чтобы он ездил на автомобилях, которые в принципе не приходится ремонтировать весь гарантийный срок, а то и дольше, понимаешь? Ни лежать под ними не надо, ни торчать в них. А в случае чего ими занимаются профессионалы.

– Но сейчас профессионалов нет, – тихо сказала Лерон, поежившись при слове «жаба». После той жуткой истории в библиотеке она на это слово как-то очень болезненно реагировала. – И что же мы будем делать? Сама машина ведь не поедет. Может, остановим кого-то? Ну, вдруг люди посоветуют, подскажут что-нибудь?

Мимо протряхала битая-перебитая желтая «копейка», набитая людьми, детьми и собаками с кошками. За ней следовала столь же заслуженная и столь же побитая «Волга». Потом прокатилась «Нива», чадя бензиновой гарью...

– Ты думаешь, владелец такой машины что-нибудь понимает в «Лексусах»? – ухмыльнулся Микка. – Ты только представь, он сейчас достанет гаечный ключ и, ухарски размахивая им... Нет, мне даже подумать о таком страшно! Придется звонить в сервис.

Он вынул из кармана мобильник, набрал номер, но тотчас, буркнув:

– Еще и сигнал не проходит! – вылез из машины и пошел по шоссе, отыскивая место, откуда можно прозвониться.

Лерон устало опустила голову на спинку сиденья и прикрыла глаза.

Ничего удивительного, что «Лексус» сломался. Совершенно ничего! Столько завистливых глаз было на него устремлено, это ужас! Если бы взгляды могли воспламенять, Миккина машина давно бы уже вспыхнула синим пламенем. А вместе с ней сгорели бы и Микка с новобрачной супругой. Вспомнить хотя бы, какой скандал закатил своему Витьке на свадьбе Настя... Конечно, она была уже сильно пьяна и не ведала, что буровила, однако виноватила Витьку за то, что он вернулся после службы в родную деревню, а не застрял в своем Тихоокеанском флоте, в городе Находке.

– Если б не ты, если б ты не вернулся, я, может, и вовсе замуж бы не вышла! – рыдала Настя. – И была бы такая же тощая, как Лерон! И тогда Мишка на мне женился бы! И меня б в город завтра увез! Если б не ты!

Еще счастье, что все кругом уже совершенно перепились и лыка не вязали, в том числе и Витька, а не то он заколотил бы, конечно, Насте эти ее слова в глотку обратно. А наутро он вряд ли их вспомнит, после такого количества выпитого самогона, который контрабандой притащили мужики на свадьбу Микки и Лерон. Витька даже вряд ли слышал, что, собственно, говорила Настя. Но Лерон слышала и ужасалась.

Она всегда, всю жизнь, больше всего на свете боялась человеческой зависти. И раньше-то, пока она сидела в девках, подруги завидовали ей. А уж теперь, когда появился Микка... с его белым костюмом и машиной... Какое счастье, что у них в деревне прошла только «предварительная свадьба», как назвала ее Ларисса, когда знакомилась с родителями Лерон, а основное бракосочетание должно было состояться в городе! Наверное, все друзья у Лариссы и Микки такие же богатые, как они, они не будут завидовать, не будут, как теперь модно говорить, нагонять негатив. Лерон просто физически ощущала черные клубы этого негатива, которые так и собирались вокруг них с Миккой. Было невыносимо жаль, что Лариссе пришлось уехать в город. Лерон в ее присутствии чувствовала себя гораздо увереннее, чем даже рядом с родной матерью. Мама сидела за столом – тихая-тихая, ослабевшая от счастья, от того, что так хорошо «пристроила» дочку, что теперь можно спокойно умереть. Лерон понять не могла, откуда у сорокапятилетней женщины такая усталость от жизни, такая покорность по отноше-

нию к смерти. Считает себя старой старухой, а вот Ларисса, которой лет ненамного меньше, выглядит и ведет себя, как настоящая победительница – и жизни, и смерти! Ее уверенность в себе придавала Лерон сил. Ну очень жаль, что Ларисса уехала – какие-то срочные дела вынудили ее и отдых прервать, и молодых бросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.